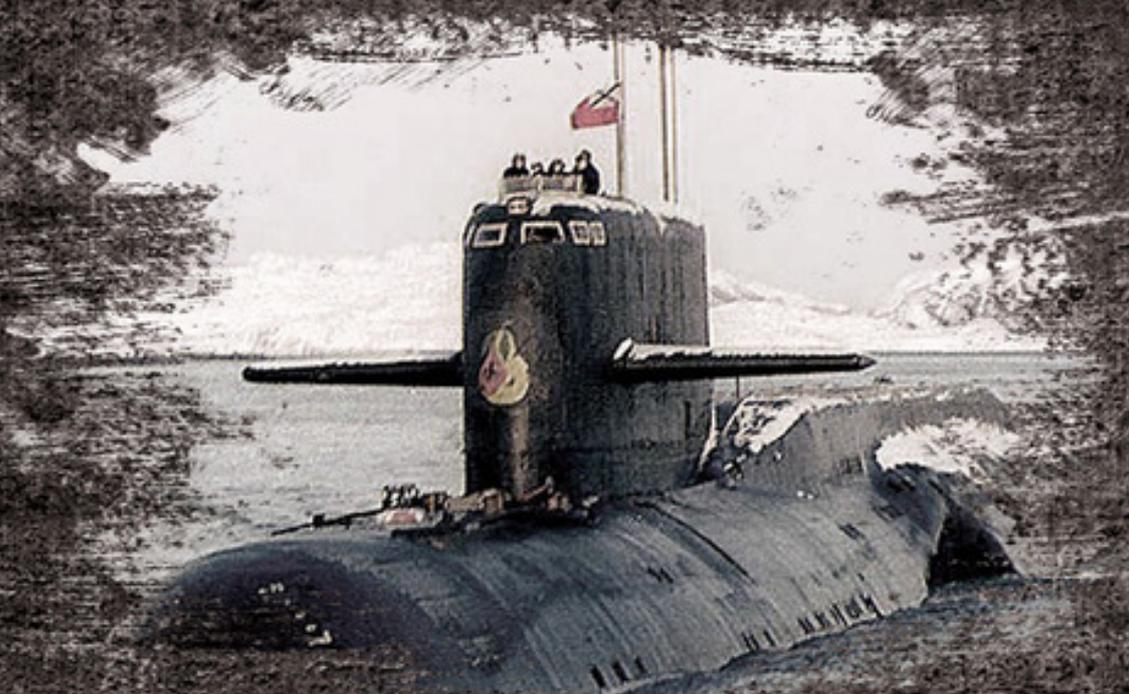

**НИКОЛАЙ
МАЛЬЦЕВ**

**ИСПОВЕДЬ
ФЛОТСКОГО
ОФИЦЕРА**

**СОКРОВЕННОЕ О ПРЕВРАТНОСТЯХ СУДЬБЫ
И КАТАКЛИЗМАХ ВРЕМЕНИ**

Николай Мальцев

**Исповедь флотского офицера.
Сокровенное о превратностях
судьбы и катаклизмах времени**

«Автор»

2014

Мальцев Н. Н.

Исповедь флотского офицера. Сокровенное о превратностях судьбы и катаклизмах времени / Н. Н. Мальцев — «Автор», 2014

«Жаль, что жизнь простого человека остается вне поля зрения современных мастеров слова, которые считают себя писателями», – сетует автор Н. Мальцев, которого читатели знают по философским книгам «Доктрина научного Богопознания», «Энергетика Вселенной», «Иисус Христос и библейские тайны», «Эволюция жизни. Путь от Богочеловека к человеку» и другим. Желание высказаться, и на примере собственной судьбы деревенского паренька, волей странных обстоятельств ставшего офицером атомного ракетносца, а затем и жителем Москвы, показать наше недавнее прошлое, наконец воплотилось в реальную книгу, которую вы держите в руках. «Исповедь офицера», – это правда о трагической эпохе перемен, которую пережило старшее поколение.

© Мальцев Н. Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Предисловие	5
Введение в тему	7
Глава I	10
1. Неудача поиска береговой службы и тревога за будущее	10
2. Удивительный переход с атомной подводной лодки в бурную жизнь столицы	14
3. Борьба Вдовиченко за адмиральскую должность	17
4. Мистика жизни, или Размышления о превратностях судьбы	21
5. Тайна назначения в Аналитический центр ВМФ	26
Глава II	33
1. Кто и как попадал в Центральный аппарат Министерства обороны и ВМФ	33
2. Секретарские обязанности и деловые посещения кремлевского кабинета Совета Министров СССР	36
3. Тревожная обстановка 1981 года	41
Глава III	47
1. Знакомство и совместная служба	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Никифорович Мальцев

Исповедь флотского офицера. Сокровенное о превратностях судьбы и катаклизмах времени

Предисловие

Книги бывают разные. Для меня книги подразделяются на очень интересные и увлекательные, и на познавательные, которые я читаю не так восторженно, но с большим вниманием и любовью. Детективы читаются запоем, но это «антилитература» и информационная пустышка, вроде карточной игры или рулетки. Прочитаешь пять-десять увлекательных детективов и уже через неделю не можешь вспомнить, о чем там шла речь и чем они отличаются друг от друга? Настоящая литература с художественным вымыслом мастера слова, читается запоем и запоминается навсегда. Но по каким-то неизвестным причинам гении словесности выродились в пошляков или любителей клубнички, которые рассказывают не о нормальных людях, а о духовных уродах. Так отразилась на писательском гении полная свобода слова и отмена запретных тем художественного вымысла. Художественный вымысел современных гениев прозы перемешивает объективные события прошлых эпох с авторским лицемерием и авторской виртуальной субъективностью. Опять получается все тот же детектив, в котором действуют наши лукавые и жестокие современники, перенесенные в другую историческую эпоху.

Художественная литература больше не отражает прошлую и настоящую реальность, а отражает виртуальную иллюзию авторского вымысла. Конечно, современный мир болен лицемерием и безнравственностью. Это факт. Художественная литература, как слепок общества, тоже больна этими же болезнями. Она ещё и способствует этим болезням распространяться по душам человеческим. На мой взгляд, гении словесности должны не распространять инфекции духовных болезней, а давать образцы нравственности и быть целителями душ человеческих. Иначе все мы превратимся в безнравственных лицемеров и уничтожим друг друга. Пока ещё большинство людей в нашей стране являются нормальными людьми. Даже несмотря на пропаганду духовного уродства, нормальных людей становится ещё больше. Это меня радует и питает оптимизмом, что Россия станет очагом, откуда начнется духовное выздоровление, если не всего мира, то хотя бы западного человеческого сообщества.

Вот только жаль, что жизнь нормального человека остается вне поля зрения современных мастеров слова, которые считают себя писателями. Классика хороша, но нужно очень напрягаться, чтобы совместить классические сюжеты с нашей современностью. Не всем это по силам. Сам себя я не считаю мастером художественного слова и даже не считаю себя писателем. Нет сарказма, юмора и творческой фантазии. А без этих качеств стать писателем невозможно. Скорее я подхожу к категории философов-аналитиков. Я пишу только малоинтересные по сюжету, но познавательные книги. Моя философия заключается в том, чтобы показать и доказать божественное происхождение материальной Вселенной, вселенской жизни и земного человечества. В этой же книге нет никакой философии. Здесь лишь статистика некоторых эпизодов моей личной биографии.

Эту книгу я написал, чтобы на примере собственной судьбы бывшего деревенского паренька, волей странных обстоятельств ставшего офицером атомного ракетоносца, а затем и жителем Москвы, рассказать правду о нашем недавнем прошлом. Я использую элементы личной биографии и непридуманные сюжеты, и даже называю фамилии действующих лиц, там, где

это возможно. И делаю это, не ради собственного прославления, а ради того, чтобы правдиво показать трагическую эпоху перемен, которую пережило старшее поколение. Одновременно мне хотелось помянуть теплым благодарственным словом всех тех людей, которые, так или иначе, повлияли на мою судьбу. Понимаю, что не всем это будет интересно. Здесь нет никаких остросюжетных линий и чувственных страстей интимного плана. В книге изложены не эпизоды любовных отношений, а эпизоды моей общественной жизни, которые я старался изложить максимально правдиво. Нормальная жизнь нормального «совка», без всяких художественных или сюжетных домыслов. Голая правда. Тем не менее, пример моей жизни показывает, что не столько человек кует свою судьбу, сколько некие случайные обстоятельства, странным образом формируют судьбу человека и погружают его в те или иные бытийные обстоятельства.

Конечно, прежде всего, человек должен уметь адаптироваться к окружающей обстановке и находить творческое начало в любой работе и служебной деятельности. Без этого любая жизнь покажется серой и неинтересной. И второе – сохраняйте тот уровень духовной нравственности, простоты и открытости, которые вам привиты семейным воспитанием. Нравственность есть бесценное достояние человеческой жизни. Никогда не поступайте нравственными внутренними принципами ради карьеры или личного обогащения. Особое испытание на излом нравственности я прошел при строительстве огромной крытой автостоянки на 1545 машиномест в районе 33-го км МКАД. После расширения МКАД, почему-то эта территория стала обозначаться как 34-й км МКАД. Пусть будет так. Не имеет значения. Строительство я начал в 1988 году, а завершил только через пять лет, в 1993 году.

Это была эпоха ельцинского бандитизма. До сих пор не понимаю, как я, будучи штатным офицером Центрального аппарата ВМФ, в звании капитан 2-го ранга, втянулся в эту авантюру. Еще больше не понимаю, как мне удалось сохранить жизнь, не пасть от рук бандитов, да ещё и оформить законный землеотвод почти пяти гектаров московской земли под такую колоссальную стоянку. Кому интересно наше недалекое «совковое» прошлое и коллизии эпохи Ельцина, тот найдет много познавательного в этой книге. Другие же могут отложить её, не читая. Здесь изложена правда с подлинными именами и фамилиями, а это всегда важно для понимания и познания прошлого и настоящего. Впрочем, все по порядку.

Введение в тему

В феврале 2014 года в районе 33—34-го километра МКАД руководство города Москвы и «Метрополитена» торжественно открыли новую промежуточную станцию «Лесопарковая» на линии метро, соединившей станции метро «Новоясеневская» и «Битцевский парк» прямой линией с огромным жилым комплексом «Бутово Южное». Те читатели, которые выходили по каким-либо причинам на этой станции, могли заметить, что вблизи выхода нет ни одного жилого массива. Ближайший жилой массив «Бутово Северное» находится на другой стороне МКАД, и чтобы жителям ближайшей улицы этого массива добраться до станции «Лесопарковая», нужно пройти около километра пешком, да ещё и преодолеть подземный переход под МКАД. В чем же тогда заключается смысл строительства этой промежуточной и изолированной от жилых массивов станции метро? Смысл вполне реальный и определенный. По замыслу градостроителей и в реальности, территория вокруг станции должна стать мощной перехватывающей парковкой, где приезжие с южных областей России и Московской области должны оставлять свой автотранспорт и следовать далее на метро, в любое нужное место города Москвы. Я думаю, что у этой идеи есть большое будущее. Ведь пробки в центральных районах города Москвы не исчезнут сами по себе. Для этого необходимо создавать транспортную инфраструктуру и мягко, но неодолимо ломать психологию современных автовладельцев, которые для деловых поездок часами стоят в пробках вместо того, чтобы за 30–40 минут добраться в любую точку Москвы на метро и наземном общественном транспорте.

Вот элементом этой новой транспортной инфраструктуры и должна стать территория вокруг станции метро «Лесопарковая». Но моя история не о современных транспортных проблемах. Моя история о том, как в 1986—87 годах мной целиком овладела идея построить на месте, где сейчас возведена станция метро «Лесопарковая», гаражную автостоянку для автолюбителей города Москвы. И самое удивительное, как раз и заключается в том, что мне удалось в нелегкие времена развала СССР, и последовавшей затем «демократической» диктатуры Бориса Ельцина, в период 1988–1992 годов, на месте современной станции метро «Лесопарковая» построить колоссальную по тем временам одноэтажную гаражную автостоянку на 1545 машиномест. Мало того, в 1993 году невероятными личными усилиями удалось распоряжением префекта Южного административного округа Шанцева Валерия Павлиновича официально оформить землеотвод и аренду участка под крытую и уже построенную автостоянку, что стало гарантом от её самозахвата и поглощения новоявленными коммерческими структурами и финансовыми акулами бизнеса под строительство торговых комплексов или полулегальных рынков.

И добивался я официального оформления отвода и аренды земельного участка под автостоянку не напрасно. После того, как стоянка 20 лет успешно выполняла свои функции по хранению полторы тысячи автотранспортных средств москвичей, территория понадобилась для нужд города и аренду земельного участка прекратили. Однако наличие оформленного распоряжением префекта ЮАО землеотвода, наличие нотариально заверенной копии отводной кальки, а также паспорта БТИ на все 1545 гаражей, не позволило городским властям просто спихнуть с этой территории гаражи автовладельцев, как самовольные незаконные постройки. Городу пришлось создать оценочную комиссию, и по её заключению каждому владельцу гаража была выплачена в 2012 году компенсация, примерно от 330 до 450 тысяч рублей, в зависимости от площади гаража и материала, из которого он был построен. Всего город раскошелился на громадную сумму более чем 0,6 миллиарда рублей. Такова оказалась реальная цена моих невероятных усилий по оформлению землеотвода. Первые 500 металлических гаражей были построены по договорной цене 1200 рублей за один бокс. За эти деньги можно было купить хороший цветной телевизор, но невозможно было купить даже убитый «крылатый» «Запорожец». Я это

точно знаю, потому что сам в 1984 году купил на московском авторынке такой убитый «Запорожец» не первой свежести, чтобы ездить к родителям в тамбовскую деревню и заплатил за него 1600 рублей. Более дешевых автомобилей, которые могли самостоятельно передвигаться, на московском рынке не было.

А вот в 2012 году люди за такие гаражи получили компенсацию в размере 330 тысяч рублей. Крутую иномарку за эти деньги не купишь, а вот новый отечественный автомобиль тольяттинского автозавода, за эти деньги можно приобрести даже в наше время. Так что гаражи оказались не только крайне нужным приобретением, как место хранения автомобиля, запчастей и излишнего домашнего скарба, но и как выгодное финансовое вложение личных средств. По этой причине, меня никто не проклинал при сносе автостоянки. Хотя я уже где-то в 2004 году освободил себя от должности председателя и занялся, опять же совершенно неожиданно для себя, наукой и философией, даже и в мыслях не планируя такой крутой поворот судьбы за весь прошлый период своей жизни. Но продолжал интересоваться делами автостоянки. Многие доверенные лица, в том числе и мой соратник по строительству второй очереди стоянки и неизменный член правления, а затем и комендант Гусаров Николай Владимирович, с удовольствием сообщали мне, что даже те люди, которые по зависти и личной духовной подлости огульно за глаза называли меня подлецом и вором, построившим стоянку ради корыстной цели личного обогащения, когда узнали о такой солидной компенсации, прикусили свои злые языки и заочно высказывали мне похвалу и благодарность.

Если бы я тогда, в далеких 1991–1993 годах сломался и пустил дело на самотек, то никакой компенсации не могло быть. Да вряд ли автостоянка и дожила бы до строительства станции метро «Лесопарковая». Уж очень много было за 20 лет существования автостоянки коммерческих структур, посягавших на то, чтобы завладеть лакомым куском территории в пять гектаров площади с внутренней стороны МКАД, да ещё и имеющий самостоятельный выезд на МКАД и самостоятельное электроснабжение с собственной трансформаторной подстанцией. В мою бытность председателем мне неоднократно предлагали большие взятки за то, чтобы я уничтожил подлинники отводных документов, а потом изобразил дело так, что они украдены. Но я не мог пойти на предательство людей, которые в своем большинстве верили в мою порядочность. Да я и никогда не считал деньги высшей ценностью этой жизни. Как раз доверие людей и желание любой ценой оправдать свои словесные обещания, несмотря на непреодолимую стену советского, а затем и ельцинского бюрократизма, были главной движущей силой моего неумного энтузиазма на этапе строительства и на этапе оформления законного землеотвода.

Данная книга не является автобиографией. Просто на некоторых отдельных примерах я пытаюсь восстановить морально-нравственную атмосферу переходной эпохи от советского социализма к беспощадному капитализму, стяжательству, коррупции, повальному взяточничеству, государственному и бытовому бандитизму и «крышеванию» эпохи Ельцина. Заодно я хочу добрым словом вспомнить и поименно назвать всех тех людей, которые помогали мне в жизни и вольно или невольно, положительным образом повлияли на мою судьбу. Все-таки хороших и добрых людей я встречал больше, чем мошенников, проходимцев или моих ненавистников. А хорошие и добрые люди и есть – главная ценность прошлой и современной России. В то же время этой книгой я хочу показать, насколько судьба человека непредсказуема и невероятна. Мы ли выбираем свою судьбу или нам помогает Бог, чтобы направить человека к его вершине творчества и определить ему место жительства? Однозначного ответа у меня нет.

То, что со мной случилось за период с 1980 по 1990 год, как раз и сломало мои представления, что все зависит от целеустремленности и желания самого человека. На каком-то этапе перелома судьбы происходят не зависящие от тебя невероятные внешние события, и каким-то чудом ты оказываешься в центре этих событий, хотя ни сном, ни духом не собирался стать их участником. Другой вопрос, полезны или вредны эти невероятные события для твоей судьбы? Анализируя задним числом свою жизнь, я констатирую для себя, что даже трагедии и времен-

ные жизненные неудачи, оказались полезными для моей судьбы и творческого развития. Невроятным стечением случайных обстоятельств, судьба позволила мне ещё в советский 1982 год, стать законным владельцем московской кооперативной квартиры и дала возможность занять достойное место в жизни. Как это все происходило, вкратце и изложено в этой книге.

Глава I

Фрагменты биографии личной жизни

1. Неудача поиска береговой службы и тревога за будущее

Хотя я прожил на белом свете уже 71 год, но моя судьба по своей полной непредсказуемости остается для меня тайной и неразгаданной загадкой. Не будучи москвичом, я даже не планировал им стать и в будущем. Сразу же после окончания Военно-морского училища, по моему настойчивому желанию, меня назначили на Северный флот офицером электронно-вычислительной группы ещё не построенного атомного ракетного подводного крейсера «К-423». Через год службы на первичной должности меня назначили начальником радиотехнической службы атомного ракетносца. Мне подчинялись четыре офицера, 3–4 мичмана и человек 7–9 матросов срочной службы. Отвечал я за исправность, правильную эксплуатацию и боевое использование всего огромного хозяйства радиотехнического вооружения атомохода, а также за обеспечение командного пункта и командира корабля данными о подводной и надводной обстановке. На торпедных и ракетных стрельбах, как и на всех коротких выходах в море или длительных боевых службах, с переходом из Баренцового моря, через Атлантический океан, к месту несения боевого патрулирования в районе «Бермудского треугольника», никогда не было стандартных ситуаций. Всегда приходилось напрягать все свои творческие способности и постоянно совершенствоваться. Время не замечалось. А жизненной энергии было так много, что никакие тяготы боевых походов и ежегодные изнуряющие подготовки к выполнению ракетных и торпедных стрельб, не могли сломать чувства гордости за свою службу.

Конечно, имели значение молодость, невиданные по советским временам денежные оклады и двух-трехмесячные отпуска с санаторным лечением. Но было и другое. Без всякого пафоса могу заявить, что жизнь была наполнена высоким смыслом нужности и необходимости для страны нашей общей службы. Наши лодки и мы сами были щитом Родины и обеспечивали мирное течение жизни в нашей стране и сдерживали агрессию Запада по отношению не только к нашей стране, но и ко всем независимым народам и государствам по всему миру. Творческая работа начальника РТС мне очень нравилась, и я не хотел никакого карьерного роста по линии командования, и многие годы не стремился поменять место службы. С подводным атомным ракетносцем «К-423» и была связана вся моя флотская служба. Мне неоднократно предлагали перейти на должность помощника командира, а затем закончить в Ленинграде, при Военно-морской Академии командирские «классы», чтобы обеспечить карьерный рост до командира такого же атомохода, на котором началась моя служба.

Почему-то быть командиром атомохода мне не хотелось. Уж очень ответственная и непредсказуемая должность. Да и в помощники командира уходили офицеры после двух-трех лет службы, осознанно избрав путь карьерного роста до командира атомохода. Я же пропустил этот срок и одиннадцать лет «отрубил» на атомном подводном ракетносце стратегического назначения «К-423», в должности начальника радиотехнической службы. Лишь в 1979 году, осознав пугающую неопределенность своего будущего и будущего своей семьи, я попытался самостоятельно изменить свою судьбу и найти место для дальнейшей службы, где-нибудь в Подмосковье. Во время отпуска 1979 года, выяснив, что в подмосковной Купавне есть военно-морская лаборатория, я по разовому пропуску посетил Радиотехническое управление (РТУ) ВМФ на Большом Комсомольском переулке и побеседовал с начальником отдела кадров. Кадровик РТУ ВМФ, старый, лет 60–65, капитан 1-го ранга Кудрявцев Николай Иванович, показался мне на первый взгляд человеком вполне добропорядочным. Он внимательно выслушал

мой рассказ о том, какой я замечательный и грамотный начальник РТС, и что я готов служить в Подмоскowie, в Купавне или в военных приемках на заводах центральных областей России, на любых самых низших офицерских должностях, лишь бы получить постоянное жилье для своей семьи и не оказаться после выхода на пенсию бесквартирным офицером.

Однако в ответ на мои просьбы кадровик заявил, что «Военно-морской флот – это не биржа труда». Никаких вакансий нет и не предвидится. Он и предложил мне подать рапорт по месту службы командованию Флотилии, чтобы меня включили в кандидаты на замещение вакантных должностей береговых частей и служб Военно-морского флота. Эту фразу «о бирже труда» кадровик повторил многократно. И я понял, что без родственных связей, и без наличия жилья, никаких шансов на перевод в Подмоскowie у меня нет. После этой безуспешной попытки самостоятельно устроить свою судьбу я стал ощущать себя не боевым и грамотным офицером, а полным неудачником. Так оно и было на самом деле в плане полной неопределенности моего будущего и будущего моей семьи. С атомных подводных лодок разрешалось, после пяти лет службы, по желанию офицера переводиться в береговые службы. Это указание практически никогда не исполнялось, если сам офицер не подыскивал себе место дальнейшей службы и не получал запрос о переводе. Таких офицеров, которые не рвались к карьере командира на атомных лодках, а желали перейти на берег, было достаточно много.

Но с переводом на берег везло не всем. В основном везло тем потомственным офицерам, у которых отцы занимали место где-нибудь в высокопоставленных штабах или в секретных военных институтах. Родители и планировали их судьбу. Когда таким офицерским сынкам надоедала служба на атомной субмарине, на них приходил запрос, и они спокойно переводились в тихие заводы ленинградских и московских военных институтов или в другие теплые места, заранее заготовленные для них родителями. Для бывшего деревенского парня, каким я и был, теплых мест никто заранее не заготавливал. Можно было надеяться только на везение или на стечение необычайных обстоятельств. В любом случае надо написать рапорт. Уже ни на что не надеясь, сразу же по приезде из отпуска я подал рапорт командиру корабля с просьбой перевести меня, в связи с двойной выслугой лет в плавсоставе, на берег, желательно в военную приемку на заводы центральных областей России. Но надежд было мало. В разуме постоянно прокручивалась фраза, что «ВМФ – не биржа труда».

В 1979 году мне исполнилось 36 лет. Многие молодые командиры подводных лодок были моими сверстниками, а среди начальников РТС я выглядел «динозавром», который вовремя не успел «вымереть». Поздно было поступать и в Военно-Морскую Академию. Мне было жаль самого себя и свою семью. Чувствовал я себя «выжатым лимоном». Жизненная энергия куда-то сразу улетучилась. Временами накатывала настоящая хандра и депрессия. Привязанность к флоту и любовь к своей специальности офицера-подводника обернулась тем, что молодые годы безвозвратно канули в реку времени, наступил зрелый возраст, а я вместе с женой и двумя дочерьми, не добился ничего, не имел фундамента жизни, не имел жилья, и в принципе, оказался у «разбитого корыта». Страстно хотелось получить хоть какое-нибудь жилье в средней полосе России, поближе к родителям и спокойную офицерскую должность, чтобы дотянуть до выхода на пенсию.

Я не верил в то, что в моей душе и теле сохранился резерв жизненной энергии, для того чтобы сделать творческий рывок, превышающий тот, что я сделал на флоте. Мне казалось, что я полностью выложил свой творческий и жизненный потенциал за время службы на атомном подводном ракетноносце, и теперь способен лишь к тихой должности офицерского клерка. Понимая, что без академического образования, никаких перспектив карьерного роста не имеется, я был согласен на любую должность. Получив в 1979 году «от ворот поворот» жестокими словами кадровика РТУ ВМФ, я вернулся из отпуска морально раздавленным и опустошенным. Ничего не оставалось делать, как последовать совету кадровика и наобум, не рассчитывая на какой-либо успех, подать рапорт по команде. С грустными мыслями неудачника я долго

сочинял рапорт о переводе меня в среднюю полосу России, рассчитывая стать военпредом на одном из многочисленных заводов по производству радиотехнических станций и комплексов для нужд Военно-морского флота. На большее я и не мог претендовать по причине отсутствия академического образования.

Да и где ещё в центральной России можно было найти другое место службы для морского офицера, кроме военпреда на каком-нибудь заводе? К тому же училище я закончил как инженер «по автоматике, телемеханике и вычислительной технике», и потому легко бы справился с обязанностями представителя заказчика на любом заводе по производству радиотехнических средств любой сложности. Где ещё, кроме производства военной техники я мог реализовать свои инженерные знания? Я знал, что, например, город Ленинград напичкан военными институтами по моей специальности и там бы мой опыт службы и инженерная специальность нашли себе применение. Я даже мог там стать завлабом или защититься и стать кандидатом наук и даже получить очередное звание капитан 2-го ранга. Но без наличия ленинградского жилья и без наличия родственных связей вход в такие военные институты для меня был навсегда закрыт.

В такие институты на первичные должности или на должности среднего звена офицеры назначались не по талантам, а по наличию ленинградского жилья или по блату. Такая же обстановка была и в военных институтах и лабораториях Москвы и Московской области. Ситуация безвыходная и тупиковая. Целый год прошел в тревожном ожидании. Кадровики молчали, а самостоятельных поисков я не вел, потому что не имел высокопоставленных связей. И вдруг, в марте 1980 года меня вызвали в отдел кадров Флотилии подводных лодок и сообщили, что если я согласен, то буду назначен военным инженером на секретный подмосковный объект, который называется Аналитическим центром ВМФ. Местоположение этого объекта кадровики не сообщали, но я уже мысленно прыгал от восторга, потому что объект находился под Москвой, а значит, и недалеко от дома моих престарелых родителей. Лучше и невозможно было придумать. Я тут же дал согласие и стал дожидаться приказа Главкома ВМФ о своем переводе. Мысль, что я буду жить недалеко от Москвы, а главное, недалеко, в пределах 400–500 километров от моей малой родины и дома родителей в Тамбовской области, была для меня живительным бальзамом.

Я и не мечтал после службы на Северном флоте о такой жизненной удаче. Естественно, что я готов был разбиться в лепешку и служить хотя по 24 часа в сутки, чтобы моя мечта поскорее осуществилась. Главным же в этой мечте была не должность, а возможность получить квартиру и осесть в Подмосковье, вблизи от родительского деревенского дома. Мне нравилась служба на лодке и нравилась жизнь на Крайнем Севере, в трижды закрытом военном городке Гаджиево. К концу службы, примерно за два года до перевода, я даже получил приличную трехкомнатную служебную квартиру. Но навечно связывать свою жизнь с городком Гаджиево я не собирался. Здесь даже не было своего кладбища. Умерших жителей хоронили на кладбище города Полярного, расположенного за 25 километров от Гаджиева. Была и другая проблема, довлеющая надо мной, словно дамоклов меч. В предпенсионном возрасте, т. е. через 4–5 лет, мне могли и отказать в переводе.

Кто же возьмет на службу предпенсионного офицера, не имеющего собственного жилья и прописки? В ещё более ужасное положение я мог попасть в случае внезапной тяжелой болезни и полной демобилизации. Мы с женой были родом из одной деревни под городом Тамбовом, и в нашей большой стране СССР не имели своего собственного угла. Нигде и никакого! Реальной программы обеспечения жильем демобилизованных по болезни или по выслуге лет офицеров в масштабе всей страны не было. Конечно, если бы, демобилизовавшись по болезни, я был вместе с семьей в город Тамбов, поближе к родителям, то меня там поставили на очередь на получение жилья. Вот только дожидаться получения квартиры даже через 5–10 лет ожидания не было никакой возможности. Всю оставшуюся жизнь я так и таскал бы свою семью по

сьемным углам и чужим квартирам. Ещё более неприемлемым вариантом был возврат в родительский деревенский дом. Да, я очень любил тогда и люблю сейчас свою малую родину. Но вернуться больному офицеру с женой и двумя детьми в деревенский дом престарелых родителей, лишенный всяких удобств, кроме печного отопления, было бы для меня непереносимым позором.

Позор ещё можно пережить, но там я не мог найти никакой работы по своей инженерной специальности. Оставалось только запить горькую и умереть от пьянства, разделив свою офицерскую судьбу заслуженного подводника Северного флота с судьбой многих моих деревенских сверстников, которые бросили школу, а затем «включулись» в алкоголь, а теперь отдыхают и спят вечным сном на деревенском кладбище. Вот по этим причинам жильё стало главной целью моего перевода с атомной подводной лодки и в какой-то момент, главным смыслом моей жизни. В тревоге за свое будущее и в желании как можно скорее получить жильё для своей семьи, я сдал дела начальника РТС РПК СН «К-423» и получил командировочное предписание на убытие к новому месту службы.

2. Удивительный переход с атомной подводной лодки в бурную жизнь столицы

Мне было 37 лет. У меня не было ни кола, ни двора. Назад к счастливому прошлому возврата не было. С ним было покончено навсегда, лишь осталось сожаление. Если бы у меня была в средней полосе приличная квартира, то я бы с удовольствием послужил на атомной лодке ещё несколько лет, а может быть, и до полного выхода на пенсию. Служить на лодке для меня было творческим удовольствием. Но надо быть полным идиотом, чтобы продолжать службу, не имея нигде «ни кола, ни двора». В полной неопределенности собственного будущего, в жаркие дни первых чисел июля 1980 года, в канун летней Олимпиады, я вместе с семьей прибыл в Москву. Москва была необыкновенно пустынной. Особенно поразила пустота аэровокзала и московских транспортных магистралей. Это было связано с ограничением въезда в Москву, в связи с проведением в Москве Олимпиады-80. В Москве жила сестра моей жены, и мы как всегда, во время отпусков или по другим каким нуждам, бывая проездом в Москве, остановились в её московской квартире. Прибыли мы в Москву после окончания рабочего дня и знакомство с новым местом службы пришлось отложить на следующий день.

Командировочное предписание было выписано на РТУ ВМФ. Служебный телефон кадровика управления Кудрявцева Николая Ивановича хранился у меня ещё с 1979 года. Утром я позвонил ему, и он распорядился подъехать и связаться с ним из бюро пропусков, по трехзначному коммутатору. Через час-полтора я прибыл в Большой Комсомольский переулок, получил в бюро пропусков разовый пропуск и оказался в Радиотехническом управлении ВМФ. Кудрявцев Николай Иванович встретил меня так, как будто видел в первый раз. В маленьком кабинете кадровика находилось ещё два капитана 1 ранга. Он познакомил меня с ними. Один из них, пожилой красавец с окладистой седой бородой, капитан 1-го ранга Прохоров Марат Иванович, представился командиром будущего Аналитического центра. А другой, сравнительно молодой капитан 1-го ранга Вдовиченко Евгений Владимирович, представился главным инженером и моим непосредственным начальником. Мне объяснили, что пока ещё никакого Аналитического центра не существует. Для развертывания будущего центра и сопровождения работ по его созданию, создан временный штат-кадр в количестве пяти штатных должностей. Мы трое и были представителями будущего центра.

Четвертый, как я потом выяснил, самый хитрый и осторожный, капитан 3 ранга Слава Первак, прибыл одним из первых. Почему-то его не оставили в РТУ ВМФ для работы с секретной документацией по развитию центра, а отправили на объект. По ходатайству командования РТУ ВМФ, Слава Первак получил служебную квартиру в качестве наблюдателя за ходом строительства непосредственно на подмосковном объекте Дуброво, и находился там практически постоянно. Как ни странно, но это перемещение неизвестного мне и раньше меня прибывшего офицера Славы Первака из РТУ ВМФ, на объект Дуброво, сыграло заметную положительную роль в моей будущей судьбе. Если бы Слава Первак проявил себя талантливым офицером, умеющим работать с документами, общаться с командованием ВМФ и конструкторами-разработчиками Аналитического центра, то его бы и оставили при РТУ ВМФ, а меня отправили на объект в качестве сидельца-наблюдателя. В этом случае я бы потерял шанс проявить свои творческие способности в качестве работника Центрального аппарата.

Сидел бы на объекте в служебной квартире и тихо ждал, когда будет построен жилой дом для офицеров и мичманов центра, и моя семья получит на территории военного городка настоящую подмосковную квартиру. То есть реализовалась бы судьба тихого предпенсионного офицерского клерка. Но даже от реализации этой судьбы я был бы безмерно счастлив, так как о большем и не мечтал. Но что-то у Славы Первака не сложилось. Разных согласований и документальной работы по создаваемому Аналитическому центру был непочатый край. И

Прохорову и Вдовиченко был нужен помощник-исполнитель документов непосредственно в РТУ ВМФ, откуда и велись все согласования и возникали горы совершенно секретной переписки, как с Управлениями ВМФ, Министерством обороны и военными институтами, так и с многочисленными гражданскими министерствами системы Военно-промышленного комплекса, организацией главного конструктора, и многочисленными организациями конструкторов и разработчиков отдельных систем и технических устройств, обеспечивающих «добычу», сбор и обработку информации для функционирования Аналитического центра и передачу обработанной информации на командные пункты Генерального штаба.

Поэтому мне, в виде эксперимента, и предложили снять жилье в Москве и на следующий же день прибыть в РТУ ВМФ для исполнения инженерных обязанностей в качестве помощника главного инженера Евгения Владимировича Вдовиченко. На пятую должность инженера, равноценную моей должности, офицер уже был тоже назначен, но пока к новому месту службы не подъехал. Таким образом, штат-кадр будущего объекта состоял из пяти офицеров. Штат-кадр был полностью укомплектован и одним из этих офицеров штат-кадра, неизвестными для меня путями была назначена и утверждена моя скромная персона. Это была не просто удача или везение, а перст судьбы, который определил все мое будущее. Ещё большим перстом судьбы оказалась моя необходимость исполнения служебных обязанностей не на объекте Дуброво, а в Москве, в Центральном аппарате Радиотехнического управления ВМФ. Буквально через неделю прибыл и последний офицер штат-кадра Валера Двораковский. Ему тоже предписали снять квартиру в Москве и работать параллельно со мной в РТУ ВМФ под руководством Вдовиченко и под общим руководством начальника шестого отдела неакустических средств полковника Черненко Эдуарда Петровича.

Я был так увлечен и заинтересован новым необъятным кругом служебных обязанностей, так хотел скорее постигнуть все нюансы и тонкости новой служебной деятельности, требующей настоящей творческой отдачи, что даже не замечал, что Валера Двораковский является моим конкурентом. Впрочем, творческой работы по подготовке документов, ответов на предложения промышленности, военных институтов и заинтересованных управлений ВМФ и Министерства обороны, а также по согласованию совместных решений и предложений, хватало на всех. Все мы вместе с главным инженером Вдовиченко работали с начала рабочего дня до 22–23 часов позднего вечернего времени. И опять, как и во время службы офицером-подводником на атомном ракетноносце, я перестал замечать служебное время, как жизненную тяготу. Недели проходили как один день. Не успевал я оглянуться, как наступал выходной день. Я ощутил прилив огромных жизненных сил, как будто внутри открылось второе дыхание, словно у бегуна на длинные дистанции. У нас не было рабочего помещения, как у штатных сотрудников РТУ ВМФ. Но это нам нисколько не мешало.

Мы работали или в секретной части или за двумя рабочими столами, поставленными для нас в аппендиксе полутемного коридора. Настольных ламп не было. РТУ ВМФ располагалось в старом здании бывшей гостиницы, построенной ещё в царские времена, и имело четырехметровые пролеты от потолка до пола. Тусклый свет потолочных ламп коридора еле освещал поверхность стола, за которым мы читали документы или исполняли в секретных рабочих тетрадах бесчисленные проекты совместных решений, ответные письма или проекты рабочих документов. Темп был так высок, что за неделю рабочего времени я от корки до корки расходовал секретную тетрадь объемов в 96–100 листов, разлинованную в линейку под рабочую рукопись. Всегда имелось две тетради. Когда одну сдавал в секретное машбюро для печати проекта письма или документа, работал в другой тетради. Заметил я влияние этого полутемного коридора на мое здоровье, лишь много лет спустя, когда зрение стало катастрофически падать, а затем и открылась глаукома. В этом бешеном рабочем темпе я не сразу обратил внимание на то обстоятельство, что хотя Валера Двораковский, работал с документами с не мень-

шим усердием, но результаты его работы были более скромными. Это адский труд был для него явно в тяготу.

Он не испытывал от него никакого удовольствия, может быть потому, что каждый проект документа переделывал многократно. Он не мог сразу уловить ту мысль, которую выкладывал главный инженер Вдовиченко, давая ему задание на исполнение того или иного документа. Если же Двораковский пытался вложить в документ что-то свое, то не мог потом аргументировано доказать, почему он исказил или дополнил мысль начальника своими мыслями. Работал он также напряженно, но выход или результат такого напряженного труда был минимальным. Кроме главного инженера Вдовиченко, нам имел право поручать исполнение документов и начальник 6 отдела РТУ ВМФ полковник Черненко, который был ответственным за исполнение ОКР «Аналитический центр» по линии РТУ ВМФ. Я быстро нашел деловой контакт с Черненко, и хотя со значительными правками, но написанные мной черновики докладов Главнокомандующему ВМФ или деловые письма, Черненко визировал, после чего я мог их отдать в печать. А вот у Двораковского такого контакта не получилось. Скоро Черненко прекратил обращаться к Двораковскому и через голову главного инженера, поручал мне исполнение ряда черновых вариантов серьезных документов за подписью начальника РТУ ВМФ, которым к этому времени был профессор, доктор технических наук и контр-адмирал Попов Георгий Петрович.

Через какое-то время в способностях Двораковского к серьезной аналитической работе с документами разочаровался и главный инженер Вдовиченко. Двораковский все чаще стал исполнять личные поручения главного инженера, меньше бывать в помещении РТУ ВМФ и работать с документами. Вообще, надо сказать, что кратко и понятно изложить свои, а тем более, чужие мысли на бумаге – невероятно сложная задача, и не каждому человеку она по силам и талантам. Вырабатывается такое качество не у каждого человека. Нередко я тоже иногда переделывал документы по два-три раза, но не столько потому, что неправильно излагал мысль начальника, а потому что пытался вложить в документ и свои соображения, которые мне казались весьма существенными. Иногда Вдовиченко с ними соглашался, и черновик документа подвергался лишь мелким незначительным правкам. Чаще Вдовиченко категорически отвергал мои соображения, и черновик документа приходилось в корне переделывать.

3. Борьба Вдовиченко за адмиральскую должность

Сначала я не мог понять, какие задания главного инженера выполняет Двораковский, целыми днями «пропадая» в других управлениях ВМФ или в организациях промышленности? Очень часто он с утра получал личные задания от Вдовиченко, и только к вечеру появлялся в управлении, чтобы сглазу на глаз сообщить главному инженеру о результатах своей работы. Позже выяснилось, что главный инженер Вдовиченко, от имени «Аналитического центра» мог исполнять и печатать секретные документы и без визы начальника 6 отдела РТУ ВМФ. Вот с этими письмами, исполненными от имени «Аналитического центра» и бегал Двораковский в кадровые органы ВМФ и в организацию главного конструктора академика Савина Анатолия Ивановича, пытаясь согласовать с ними штатную численность первой очереди в количестве 700 человек и с обязательным утверждением звания контр-адмирала для главного инженера и начальника центра.

Конечно, каждая отдельная войсковая часть имеет право обосновывать и доказывать перед вышестоящими кадровыми органами ту штатную численность, которая необходима для обеспечения нормальной жизнедеятельности и боеготовности того технического комплекса, который она обязана обслуживать. Но «Аналитический центр» по факту замыкался на РТУ ВМФ, и не имел права прыгать «через голову» и самостоятельно решать вопросы штатной численности. По своей флотской наивности в те времена я не понимал, что главный инженер Вдовиченко настойчиво гнет свою линию по штатной численности, втайне от начальника 6-го отдела РТУ. Именно, по той причине, что ему очень хотелось стать контр-адмиралом. Под давлением Вдовиченко я помогал ему разрабатывать раздутое штатное расписание. Пытался спорить и сопротивляться. Но мои доводы им не воспринимались. Может, эти споры и помогли мне остаться в стороне от его закулисной борьбы за адмиральскую должность. Если я критиковал даже черновик раздутого штатного расписания, то как я мог ходить к кадровикам или в организацию главного конструктора, чтобы убеждать их согласиться с предложенным штатным расписанием?

А вот Валера Двораковский, и не пытался критиковать работу Вдовиченко. Он воспринимал эту раздутую схему, как нечто необходимое и готов был за неё бороться. Он и стал исполнителем тайных замыслов главного инженера нашего будущего центра. Но в «дураках» от этой подковерной возни остался, в конце концов, сам Вдовиченко. Он видимо не представлял себе, насколько доверительные отношения были у начальника 6 отдела РТУ ВМФ Черненко с главным конструктором академиком Савиным и его подчиненными. О каждом посещении Двораковского или самого Вдовиченко московского ЦНИИ «Комета», который возглавлял главный конструктор академик Савин, тут же по телефону сообщали Черненко. И сам Черненко, и начальник РТУ ВМФ контр-адмирал Попов были против адмиральских должностей и раздутых до 700 человек штатов «Аналитического центра». Да и как же не быть против, если быть реалистом, а не прожектором, закороченном на идее «адмиральства» руководителей будущего центра?

Во-первых, были заложены основания лишь двух 40-квартирных жилых домов с неизвестными сроками завершения строительства. Даже после завершения их строительства, в них можно было разместить лишь восемьдесят семей офицеров и мичманов, а куда девать семьи ещё 600 военнослужащих, если утверждать такую раздутую штатную численность? Во-вторых, пока на объекте не были установлены все технические средства и комплексы, и не проведена опытная эксплуатация силами специалистов промышленности, нельзя было даже гению, каким себя числил Вдовиченко, определить потребную численность оперативного и обслуживающего персонала. В-третьих, пока от будущего «Аналитического центра» руководство ВМФ и Генеральный штаб не получат весомой и достоверной информации о местоположении и бое-

готовности подводных стратегических ядерных сил вероятного противника, о местоположении многоцелевых подводных сил и авианосных ударных соединений, никто и никогда не введет начальнику центра штатной должности контр-адмирала.

В советское время, да и сейчас, штатными должностями адмиралов в ВМФ так просто не разбрасываются. Обуянный идеей «адмиральства» главный инженер Вдовиченко ничего этого не замечал и вопреки здравому смыслу, лез «напролом» и вел закулисную игру, которая являлась тайной только для него самого. Я сразу же отказался от участия в этой закулисной игре, и тем спас свою репутацию. Постепенно, не только Двораковский, но и главный инженер Вдовиченко, все больше попадали в изоляцию от начальника 6 отдела Черненко и теряли в его глазах доверие. Получалось так, что исполнение наиболее важных документов Черненко поручал мне напрямую, помимо главного инженера Вдовиченко. Мало того, но Черненко приглашал меня на все совещания с участием представителей военных институтов и разработчиков, где я мог свободно высказывать свое личное мнение и мое мнение часто учитывали при подготовке решений. А вот главный инженер Вдовиченко своим максимализмом и нереализуемыми требованиями, мягко говоря, на таких совещаниях вызывал всеобщее недоумение и недовольство.

Он совершенно не соотносил, довольно низкие возможности вычислительных и информационных устройств того периода, а также отсутствие необходимого программного обеспечения, с реальными потребностями «Аналитического центра». С учетом того, что никаких компьютеров тогда не было не только в СССР, но и на «продвинутом» Западе, то требования главного инженера Вдовиченко, невозможно было реализовать в «железе». Прошло какое-то время, и я стал полноценным доверенным лицом начальника 6 отдела РТУ ВМФ. Он перестал доверять главному инженеру Вдовиченко. Я не только научился исполнять важные документы на уровне главного инженера, но и успешно взаимодействовал и согласовывал документы по «Аналитическому центру» с командованием ВМФ, Управлениями Генштаба и даже с Комиссией по военно-промышленным вопросам при Совете Министров СССР.

У меня это получалось значительно лучше, чем у главного инженера Вдовиченко. Скажу по совести, что огромную роль в моих доверительных отношениях с высокопоставленными работниками Военно-Морского флота, Министерства обороны, министрами и их заместителями и даже с представителями Совета Министров СССР, сыграл мой огромный одиннадцатилетний стаж службы на атомном подводном ракетносце Северного флота. Дело в том, что я настолько свыкся с должностью начальника РТС атомного подводного ракетносца, что посещая кабинеты высокого начальства по делам «Аналитического центра», представлялся не как инженер этого центра, а как начальник РТС стратегического подводного ракетносца. Это сразу же вызывало неподдельное любопытство к моей личности и моей флотской службе. На полчаса, а то и минут на сорок завязывалась доверительная беседа о тяготах и особенностях службы на подводном флоте. Это была моя излюбленная тема. Я с увлечением рассказывал о ракетных и торпедных стрельбах, о таинственных «квакерах», которые сопровождали нашу подводную лодку или о каких-либо происшествиях во время трехмесячных боевых служб без единого всплытия на поверхность.

Доходило до того, что я и сам забывал, зачем пришел к высокопоставленному начальнику. Нашу беседу прерывал или телефонный звонок или срочные дела начальника кабинета. Я переходил к теме посещения. Показывал документ, который требовал согласования и кратко объяснял, какие задачи возлагаются на управление начальника кабинета, в связи с работами по созданию «Аналитического центра». Начальники в те, советские времена, были грамотными людьми и профессионалами своего дела. Лишь в редких случаях они приглашали своих подчиненных для консультаций, а чаще или сами корректировали документ или ставили согласующую подпись после подробного и тщательного изучения всего документа от корки до корки. Причем начальники всех уровней проявляли неподдельный интерес не только к моей флот-

ской одиннадцатилетней службе на борту атомного подводного ракетноносца, но и к самому «Аналитическому центру».

Визитная карточка офицера-подводника работала безотказно. Со многими начальниками управлений ВМФ, работниками союзных министерств по профилю технических средств «Аналитического центра», и даже с кремлевскими небожителями-работниками Совета Министров СССР, у меня установились прочные деловые отношения. Не малую роль в этих отношениях значило уважение к моей флотской личности и к моей прошлой нелегкой профессии начальника РТС атомного ракетного подводного крейсера. Как правило, большинство руководителей военных управлений и ведомств, как и руководителей гражданских министерств оборонного профиля, искренне желали оказать содействие быстрейшему вводу в строй такого важного для повышения обороноспособности страны информационно-аналитического объекта. Подтверждаю из своего жизненного опыта, что в советские времена высокопоставленные чиновники не были «сухарями» или черствыми бюрократами. Это были высококлассные профессионалы, не потерявшие чувства любопытства к человеческим судьбам и к новым видам вооружений. При этом моя длительная служба на атомных подводных лодках, являлась моим бесприкрытым «козырем» при знакомстве и беседах с высокопоставленными чиновниками.

Предварительная беседа на тему атомного подводного флота и моей флотской службы помогла установить доверительные отношения и упростить решение самых сложных вопросов по цели моего прибытия. Я делал такие успехи при согласовании документов в разных управлениях и ведомствах, которые и не снились главному инженеру центра Вдовиченко. Месяца через три после начала моей оглушительной карьеры на поприще рядового инженера центра, прикомандированного к шестому отделу РТУ ВМФ для исполнения документов, где-то в октябре 1980 года мой непосредственный начальник главный инженер Вдовиченко ушел в очередной отпуск. По указанию начальника 6-го отдела РТУ ВМФ я быстро переделал штатное расписание первой очереди от численности 700 военнослужащих, если не изменяет память, до численности примерно 233 штатной единицы, и исключил всякое упоминание о адмиральских должностях для командования центра.

Сам я считал, что и этого много, но ещё сохранилась инерция наполеоновских замыслов моего непосредственного начальника – Вдовиченко. Начальник 6 отдела РТУ ВМФ, а также кадровик управления Николай Иванович Кудрявцев завизировали отпечатанный на машинке секретный проект нового штатного расписания, после чего мне поручили согласовать этот проект с Управлением кадров и мобилизационной работы Военно-Морского флота. На другой день я получил согласующую подпись Главного кадровика ВМФ, и документ был отправлен в ГОМУ (Главное организационно-мобилизационное управление) Генштаба Министерства обороны. Когда Вдовиченко прибыл из отпуска и узнал, что штатное расписание значительно урезано и без упоминания адмиральских должностей отправлено в ГОМУ Генштаба МО, он пришел в тихую ярость. Ко мне, как исполнителю документа, у него претензий особых не было. Он знал, что я действовал по указанию начальника 6 отдела РТУ ВМФ полковника Черненко. Неосуществимость желания стать адмиралом переполнило чашу терпения моего непосредственного начальника. Он стал по делу и не по делу поливать за глаза начальника 6-го отдела РТУ ВМФ всякими домыслами и оскорблениями.

Но начальник 6 отдела вел разработку не только ОКР «Аналитический центр» и глобальной системы обнаружения, сбора и обработки информации о местоположении подводных сил стран НАТО, но и десятки успешных ОКР по разработке и внедрению неакустических средств обнаружения подводных лодок вероятного противника. Некоторые работы шестого отдела РТУ ВМФ были отмечены Государственными премиями СССР. Научный и управленческий авторитет начальника 6 отдела Черненко Эдуарда Петровича был так высок, что «очернить» его в глазах командования было невозможно. Скорее, от этих злопыхательских наветов и жалоб на некомпетентность начальника 6 отдела РТУ ВМФ, страдал авторитет самого глав-

ного инженера Вдовиченко. Потеряв возможность стать новоиспеченным контр-адмиралом, в запале карьерного помутнения разума, мой непосредственный «шеф» бегал и в кадровые органы ВМФ и в ГОМУ Генштаба, и даже писал личные рапорты руководству Главного штаба ВМФ.

Но тем самым, навредил он только себе, потому что приобрел репутацию склочника и ябеды, а это в Военно-Морском флоте всегда вызывало презрение и никогда не поощрялось. Может быть, это происходило потому, что при управлениях Военно-Морского флота не было штатных политработников, а Политуправление ВМФ по каким-то незримым законам не вмешивалось в дела Центрального аппарата ВМФ. Начальство же судило о своих исполнителях не по наветам или жалобам, а по результатам их работы. У Черненко таких положительных результатов работы было много, а вот у его склочного оппонента никаких результатов не было, ни по старому месту службы в управлении противолодочной борьбы, ни на должности главного инженера Аналитического центра. Молва о склочном характере Вдовиченко скоро разнеслась по всем организациям промышленности и органов управления ВМФ и Министерства обороны. Его везде встречали настороженно, а значит, и не доверяли даже его по-настоящему умным и деловым предложениям.

Где-то в середине 1981 года пришло утвержденное штатное расписание первой очереди Аналитического центра, если не ошибаюсь, на численность 120 офицеров и мичманов. Численность ещё сократили раза в два от той, что была согласована и представлена в ГОМУ Генштаба. Возможно, что так ГОМУ отреагировало на «домогательства» моего «шефа» о введении адмиральских должностей. Уверен был тогда и сейчас, что и этой численности было с избытком. Дело в том, что шло медленное строительство лишь двух пятиэтажек на 80 квартир. Третий дом даже не был заложен и вряд ли существовал даже в проекте. Тем самым, заранее была спланирована великая склока вновь назначенных офицеров и мичманов за обладание возделенной собственной квартирой на территории закрытого военного городка. Но никакая склока не могла превратить 80 квартир в требуемые 120, а значит, примерно 40 семей были обречены оставаться бесквартирным и жить по чужим углам неопределенно долгое время.

О ходе строительства этих двух жилых домов силами военных строителей, подчиненных Главному инженерному управлению ВМФ, хочется сказать особо. Они должны быть построены по плану в 1980 году, ещё до моего прибытия к новому месту службы. Планы строительства были сорваны и к июлю 1980 года были вырыты лишь котлованы под их строительство. На момент прибытия к месту службы, отсутствие постоянного жилья в военном городке по месту моей будущей службы, показалось мне сущей трагедией. В отчаянии я даже хотел купить дом в близлежащей деревне, чтобы использовать его после получения жилья в городке, в качестве дачи. Но оказалось и этого невозможно сделать. Сельсовет мог разрешить покупку дома лишь тогда, когда я дам согласие на постоянную деревенскую прописку. Если бы я пошел по этому пути, то навсегда лишил себя права получить даже квартиру городского типа в военном городке. По жилищному законодательству советского времени, меня по закону лишили бы права на постановку в очередь, как человека уже обеспеченного жильем и имеющим деревенскую прописку.

Деревенский дом – это не дача в садовом товариществе. Штампик в паспорте о деревенской прописке навсегда превращал тебя в деревенского жителя, а твою семью в сельских поселенцев, не имеющих законного права на получение нормальной благоустроенной квартиры в военном городке по месту службы. Когда я вник в подробности, то быстро отказался от варианта с приобретением деревенского дома. Этот вопрос отпал сам собой, когда выяснилось, что в самом военном городке мне и нечего было делать. Надо было работать в РТУ ВМФ, в Москве, чтобы ускорить и строительство жилых домов, и создание самого Аналитического центра.

4. Мистика жизни, или Размышления о превратностях судьбы

Парадокс в том, что лично для меня и моей семьи было бы значительно хуже для дальнейшей судьбы, если бы к моему прибытию в военном городке Дуброво имелась уже построенная жилплощадь для семей военнослужащих. Тогда бы я и члены моей семьи получили постоянную прописку и квартиру в военном городке Дуброво. После этого никакое везение и никакие случайные обстоятельства по законам советского времени не могли мне помочь получить московскую прописку и купить в Москве кооперативную квартиру из фондов Министерства обороны. И конечно, я бы никогда не построил в Москве автостоянку на 1545 машиномест. Во времена Ельцина такие военные городки были лишены финансирования, и их жилой фонд на глазах превращался в развалины, а жители таких закрытых военных городков оказались выброшены на помойку истории и страдали от безработицы и полной бесперспективности.

По воле случая и стечения невероятных обстоятельств я сам и моя семья избежали такого несчастья. Так что и в этом случае двухлетняя жизнь без прописки на съемной московской квартире и отсутствие жилого фонда у Аналитического центра обернулись для меня и моей семьи несказанной удачей в цепи как бы случайных событий, которые неумолимо готовили мне судьбу московского жителя и переход от службы в подмосковном закрытом военном городке к службе в Центральном аппарате Военно-морского флота. Как раз моя служба в Москве при РТУ ВМФ и началась с того, что общими невероятными усилиями в июле-августе 1980 года был согласован с ГИУ ВМФ подробный поэтапный график строительства этих двух 40-квартирных домов, со сроком завершения строительства и сдачи в эксплуатацию в феврале 1982 года. Чтобы ГИУ ВМФ не могло уклониться или сорвать сроки строительства, РТУ ВМФ представило график работ на утверждение Главнокомандующему ВМФ, адмиралу флота Советского Союза Горшкову Сергею Георгиевичу. Главком ВМФ не только утвердил этот график, но и наложил резолюцию о том, чтобы ему ежемесячно докладывали о ходе строительства двух жилых домов для военнослужащих будущего Аналитического центра.

Понимаете, насколько важным считал Главком вопрос о строительстве жилья для военнослужащих? Он не потребовал эпизодического доклада о ходе создания самого Аналитического центра или его технических средств. А вот строительство двух домов, при всей своей сверхзанятости вопросами строительства и управления Военно-Морским флотом СССР, Главком взял под свой личный контроль. Во-первых, Главком считал своей прямой обязанностью обеспечение жильем военнослужащих. Во-вторых, он заранее знал, что без его личного давления ГИУ ВМФ обязательно затянет сроки строительства и ввода в эксплуатацию жилых домов. Подготовка черновиков таких ежемесячных докладов Главнокомандующему ВМФ и стало одним из первых постоянных моих обязанностей. На первый взгляд, что сложного написать черновик доклада для Главнокомандующего ВМФ? Но это только на первый взгляд.

На самом деле, на исполнителя ложится тяжелый груз ответственности за достоверность информации. Если бы строительство шло без задержек, то не о чем было бы и докладывать. Но военные строители вечно затягивали строительство! То не были завезены комплектующие, то неожиданно бригады строителей или сама техника исчезали со строительной площадки в неизвестном направлении. Дня за два-три до исполнения черновика доклада я собирал подробную информацию о состоянии строительства. Пользовался информацией Славы Первака, Валеры Двораковского, главного инженера Вдовиченко и даже начальника центра Марата Ивановича Прохорова. Все их данные я трижды перепроверял методом сравнения, отсеивая несущественную информацию. Но чаще сам выезжал в военный городок Дуброво и на месте добывал информацию о ходе строительства. Если бы я однажды «оклеветал» ГИУ ВМФ, и предоставил Главкому ВМФ недостоверную или некорректную информацию, то я бы подвел, в первую оче-

редь начальника РТУ ВМФ контр-адмирала Г.П. Попова, который ставил подпись на чистовике доклада, а во вторую очередь, нанес удар по собственной репутации.

За малейший промах в таком серьезном докладе меня бы отстранили от этой работы. Но самое главное – я бы потерял доверие начальника РТУ ВМФ и начальника 6-го отдела. Могли бы вслед за Славой Перваком и меня откомандировать из Москвы и отправить в Дуброво, как недобросовестного исполнителя, неспособного объективно оценивать обстановку. Однако мало было собрать достоверную информацию. Надо было кратко и ясно, в объеме трех четвертей одного печатного листа изложить информацию о состоянии строительства, в чем задержка графика и какие меры надо принять ГИУ ВМФ, чтобы сохранить темп строительства. Главком по дефициту служебного времени не мог читать доклады, которые не умещались на одном печатном листе. Чтобы достичь краткости и совершенства доклада, я переписывал черновик не менее пяти раз, пока не добивался того варианта, который удовлетворял меня лично. После этого я показывал черновик начальнику 6 отдела РТУ ВМФ. Он тоже вносил стилистические правки и сокращал доклад, удаляя несущественные детали.

Я переписывал откорректированный текст и снова приносил черновик начальнику 6 отдела РТУ ВМФ на визирование для печати. Иногда даже в чистовой вариант Черненко вносил мелкие коррективы, и только после этого визировал черновик для печати. Я сдавал тетрадь в машбюро секретных документов, а когда получал отпечатанный «чистовик», то относил его Черненко. Он внимательно читал каждую строчку и каждое слово, стараясь отыскать не только стилистические, но и орфографические ошибки. Убедившись, что доклад отработан, Черненко визировал его, расписываясь за его получение, у меня в реестре секретных документов, а затем аккуратно складывал в папку «На доклад» и убирал в свой сейф. Виза означала, что Черненко брал на себя ответственность за достоверность информации и за сам слог и содержание доклада. Я временно забывал о докладе и начинал заниматься другими документами. По вечерам начальник РТУ ВМФ собирал начальников отделов на совещание и там, тщательно ознакомившись с текстом и содержанием доклада Главкому ВМФ, ставил под ним свою подпись. Я, как и все офицеры управления, не уходил со службы, а ждал возвращения начальника отдела с совещания.

Часто эти совещания затягивались часов до 8–9 вечера. В советские времена Горбачева, ещё, видимо, со сталинских времен, было нормой завершать службу на два-три часа позже официального окончания рабочего дня. На это никто не обращал никакого внимания. Вернувшись с совещания, Черненко возвращал мне подписанный документ на дальнейшее исполнение. Но это не означало конец рабочего дня. Я покидал управление или вместе с главным инженером центра часа в 23 полуночи, а когда его не было, то уходил из управления только после того, как уходил домой начальник 6 отдела. Не только я, прикомандированный, но и все штатные офицеры других отделов, хотя и имели право покидать управление в 6 часов вечера, уходили по домам только после того, как их начальник отдела покидал управление или вместе с ним. Вернувшись с совещания, Черненко возвращал мне подписанный доклад и до утра он «отлеживался» в моем чемодане для секретных документов, а позже и в личном сейфе. На второй день начиналась основная работа с докладом.

Я перекладывал документ в красивые красные корочки, с надписью «На доклад Главнокомандующему ВМФ», эти корочки аккуратно укладывал в свой походный дипломат и по московским изогнутым переулкам, минуя кинотеатр «Современник», дворами и «огородами», добирался до Большого Козловского переулка, дом 6. Там располагался мощный комплекс зданий Главного штаба ВМФ, его подразделений, кабинеты высшего командования Военно-морского флота и секретариат Главкома. Там я по реестру сдавал документ порученцу Главкома или его секретарю. Порученец в звании капитана 1-го ранга, бегло осматривал документ, убеждался, что указан номер телефона моего вызова, и я отправлялся назад, заниматься текущими делами. Так получилось, что одним из порученцев был бывший командир стратегического

подводного атомохода капитан 1-го ранга Задорин. С его экипажем, будучи прикомандированным молодым лейтенантом, я совершил первый длительный автономный поход и проявил себя вполне грамотным специалистом. Он меня запомнил и встречал весьма приветливо. Надо отметить, что вежливость и уважение, даже к офицерам нижнего звена и рядовым исполнителям, были визитной карточкой сотрудников Секретариата Главкомандующего ВМФ.

Проходил день или два, и из Секретариата следовал звонок на телефон начальника отдела, что доклад рассмотрен и можно его забрать. Теми же дворами и криволинейными переулками минут за двадцать я приходил в Секретариат и забирал доклад, с росписью в реестре документов. Вернувшись в управление, первым делом показывал доклад с резолюцией Главкома полковнику Черненко. Чаще всего Главкомандующий ВМФ в короткой резолюции, исполненной его рукой наискосок прямо по тексту доклада, давал конкретные указания начальнику ГИУ ВМФ, генерал-лейтенанту Путияте Вадиму Евграфьевичу и автору доклада – начальнику РТУ ВМФ. Когда указания не требовали безотлагательных мер, Черненко брал доклад себе в папку, показывал его начальнику РТУ ВМФ, а заем возвращал мне и приказывал выслать копию доклада начальнику ГИУ ВМФ, а мне взять на контроль и исполнение указания Главкома, и постоянными звонками «теревить» офицеров ГИУ ВМФ, ответственных за строительство двух жилых домов нашего центра.

Когда указания были серьезны и неотлагательны, Черненко предлагал мне посетить Спартаковский переулок, где располагалось ГИУ ВМФ и добиться встречи с начальником – генерал-лейтенантом В.Е. Путиятой. Эти посещения были для меня весьма тягостны. В отличие от всех других управлений, офицеры ГИУ ВМФ относились ко мне с нескрываемым презрением. На инженер-полковников ГИУ ВМФ не производила никакого впечатления моя одиннадцатилетняя служба на атомном подводном ракетноносце. Объяснений этому у меня до сих пор нет, но они воспринимали меня чуть ли не как вымогателя, пытающегося построить жилье для «блатных» офицеров Флота, за счет ограниченных фондов и строительных возможностей Министерства обороны. Я, конечно, был сверхнастойчив, потому что добивался исполнения сроков и высокого качества строительства эти двух домов, не только для будущих штанных офицеров центра, но и для себя лично.

Жилищная комиссия нашей части обязана была выделить мне, как имеющему двоих детей, трехкомнатную квартиру в одном из построенных домов. О большем счастье я и не мог мечтать. Чего же лучше, чем уйти на пенсию, имея жилье в закрытом военном городке и надежду, что и будучи военным пенсионером, я найду себе работу по специальности в этом же центре, где закончил службу? Благосклонен к моей скромной персоне капитана 3-го ранга и бывшему офицеру атомохода был лишь сам генерал-лейтенант Путията. Появившись в его приемной, я просил дежурного офицера доложить обо мне начальнику ГИУ ВМФ и скромно дождался, когда он освободится от срочных дел и примет меня для беседы. Иногда такие ожидания затягивались на часы, но я был упорен. Сидел в уголке приемной и скромно ждал своей очереди. Получив разрешение, заходил в кабинет Вадима Евграфовича, приветствовал его по форме, как генерал-лейтенанта, и просил ознакомиться с содержанием доклада и резолюцией Главкома. Путията приходил в неподдельный гнев от недоработок ГИУ ВМФ, а может быть, был просто замечательным артистом? К сожалению, в советские времена были и такие, как бы болеющие за дело, офицеры, которые просто разыгрывали трудовой и служебный пафос, а на самом деле ничего не делали.

Он вызывал к себе в кабинет начальника отдела в звании полковника, отвечающего за строительство домов, и при мне резко «разносил» его за задержки в строительстве. Я уходил удовлетворенный, провожаемый презрительным взглядом начальника отдела, но это мало помогало делу. Задержки накапливались из месяца в месяц, и, в конце концов, дома были сданы в эксплуатацию месяца на три позже тех сроков, которые были утверждены Главкомом ВМФ, то есть примерно в апреле-мае 1982 года. Я обо всех этих тонкостях рассказываю очень

подробно, потому что эти тонкости потом сыграли важную роль в том, что я приобрел в Москве трехкомнатную кооперативную квартиру и стал законным жителем столицы. Это случилось в апреле 1982 года, а ещё в октябре 1981 года, за полгода до покупки кооперативной московской квартиры, я даже не помышлял стать жителем Москвы, а тем более – штатным офицером Радиотехнического управления ВМФ.

Об этом я расскажу чуть позже, а сейчас вспомню о своих настроениях и счастливых случайностях, за период с июля 1980 по 7 ноября 1981 года. Я увлеченно работал в качестве инженера Аналитического центра, волею судьбы поставленного на острие научной мысли, и чувствовал себя полностью счастливым и удовлетворенным от того, что занимаюсь колоссальным делом усиления и укрепления обороноспособности нашей Родины. Я чувствовал себя настоящим небожителем не от предвкушения какой-то высокой должности, а от причастности к великому делу создания абсолютно технически нового объекта невиданных информационных технологий. Творческая увлеченность была так высока, что я просыпался с мыслями об Аналитическом центре и с ними же засыпал. Я понимал, что над разработкой технических средств и технологий Аналитического центра трудятся тысячи научных сотрудников самых высоких рангов и званий в военных институтах и организациях промышленности, но в то же время я считал Аналитический центр частицей моего творческого «я». Конечно, во время службы на подводной лодке, особенно во время торпедных или ракетных стрельб, во время боевой службы при определении элементов движения боевых кораблей вероятного противника или при определении параметров неопознанных «квакеров» я испытывал творческий подъем и гордость за свою службу.

Однако из современного далека я понимаю, что вершиной моей творческой работы явились вот эти два года службы, с 1980 по 1982 год, в качестве рядового инженера ещё несуществующего Аналитического центра. Для меня и сейчас кажется невероятным, что я непосредственно с офицерской должности профессионального моряка атомного подводного ракетноносца попал в научный водоворот московской жизни и оказался в самом центре событий и в котле невероятных научных идей и технологий, воплощаемых в железо Аналитического центра. Я жил на съемной квартире с женой и двумя детьми недалеко от метро «Нагатинская». Квартира была двухкомнатная, но хозяйка в одну комнату снесла свою мебель и разрешила пользоваться только одной комнатой. С учетом того, что в этой же жилой комнате в 17 ящиках хранились вещи и имущество, нажитое нами на Севере, жить было довольно тесно.

Ни я, ни жена не имели никакой прописки. В те времена такой практики, как прописка при части, ещё не существовало. Без прописки жена не могла и устроиться на работу. Мы были московскими «бомжами». Тем не менее, москвичи были в те времена добрыми и гостеприимными людьми. Старшую дочь Ирину безо всякого труда приняли в московскую школу. Я получал по сравнению с прежней службой мизерную зарплату в 366 рублей, из них 120 ежемесячно отдавали за съемную квартиру. Жена жаловалась, что ей надоело искать по 17 ящикам нужные вещи, и страдала от безденежья и безработицы. Тем не менее, я испытывал восторг и счастье от окружающих меня офицеров РТУ ВМФ, и от моих многочисленных обязанностей, а главное – от причастности к чему-то великому, что создавалось с моим непосредственным участием и на моих глазах. Но в то же время я никогда не мыслил, что скоро стану москвичом и одним из офицеров Радиотехнического управления Военно-морского флота. Давайте я чуть-чуть отвлекусь и уже из моей современности, современности капитана 1-го ранга запаса и 71-летнего военного пенсионера МО, имеющего собственную квартиру в Москве и дачу-коттедж в Подмосковье, проанализирую это невероятное событие.

Мой визит в 1979 году к кадровику РТУ ВМФ в Москве был безрезультатным, потому что на тот момент Главное мобилизационное управление МО ещё не утвердило штат-кадр будущего Аналитического центра. Скорее всего, не было даже проекта штат-кадра. Конечно, кадровик Кудрявцев Николай Иванович обязан был знать, что скоро будет сформирован штат-

кадр подмосковного объекта, напрямую подчиненного по штатному расписанию РТУ ВМФ. Но пока утвержденного штатного расписания не было, он и не имел права говорить о совершенно секретном объекте. А что же мой рапорт по команде? Сыграл ли он какую роль в моем назначении? Практически рапорт не сыграл никакой роли. Но в то же время и посещение в 1979 году кадровика РТУ ВМФ и мой рапорт по кадровой линии от Северного флота до кадровых органов Центрального аппарата ВМФ сыграли заметную второстепенную роль второго плана. Поясню, в чем тут дело?

Когда я начал службу в аналитическом центре ВМФ, то большую часть времени рука об руку, практически каждый рабочий день, до 22–23 часов ночи работал совместно и под руководством главного инженера капитана 1-го ранга Вдовиченко Евгения Владимировича. В работе он бы упорен до неистовости. Такой же неистовости научил и меня. Долго и учить не пришлось. Я тоже по натуре был заядлым службистом и не мог отложить работу на завтра, пока не решу поставленной себе задачи на этот день или пока не исполню поставленной мне начальником цели по подготовке какого-либо документа. Вдовиченко понравилось мое служебное упорство, и он поделился со мной тайной моего назначения в Аналитический центр ВМФ.

5. Тайна назначения в Аналитический центр ВМФ

Дело было так, что когда в начале 1980 года штат-кадр утвердили, то новую часть подчинили РТУ ВМФ чисто формально, как заказчику от ВМФ, имеющему кадры и специалистов для взаимодействия с промышленностью. Этим воспользовался начальник РТУ ВМФ и назначил уважаемого начальника отдела по разработке вычислительной техники, капитана 1-го ранга Прохорова Марата Ивановича, начальником будущего центра и командиром вновь формируемой части. Это назначение не вызвало сопротивления начальников центральных управлений ВМФ, так как Прохоров ещё будучи флотским юнгой стал участником Великой Отечественной войны, а как заказчик для ВМФ автоматизированных средств управления и вычислительных комплексов, приобрел широкую известность и заслужил уважение Главного штаба и командования Военно-морского флота. Однако будущий аналитический центр создавался не в интересах РТУ ВМФ. Он имел стратегическое значение не только для ВМФ и Генерального штаба Вооруженных сил, но и для политического руководства СССР.

В случае начала очередной войны или военного конфликта со странами блока НАТО или США, важнейшее значение для нанесения ответных ракетно-ядерных ударов было знание точных координат и местоположения, развернутых в мировом океане стратегических атомных подводных ракетоносцев вероятного противника. Чтобы максимально сократить ущерб от термоядерных бомбардировок военных и гражданских объектов на территории СССР, надо было создать технические средства для постоянного отслеживания местоположения ракетно-ядерных подводных сил вероятного противника и передавать эту информацию в реальном отсчете времени политическому руководству страны и Генеральному штабу для нанесения предупреждающих или ответных ударов. Объект создавался как информационный элемент по сбору и обработке информации, в интересах борьбы с подводными лодками вероятного противника всех классов и типов. В Главном штабе ВМФ имелось специальное Управление противолодочной борьбы, которое определяло стратегию развития технических средств борьбы, противодействия и защиты от подводных лодок вероятного противника.

Конечно же, технические средства будущего аналитического центра, должны были отвечать интересам Главного штаба ВМФ и в первую очередь интересам борьбы с подводными лодками вероятного противника. Вот поэтому на должность главного инженера был назначен не специалист РТУ ВМФ, а специалист от Управления противолодочной борьбы Главного штаба ВМФ. В качестве такого специалиста и представителя Главного штаба ВМФ по противолодочной борьбе главным инженером Аналитического центра и был назначен капитан 1-го ранга Вдовиченко Евгений Владимирович. И командир Прохоров, и главный инженер Вдовиченко имели благоустроенное жилье в Москве и были достаточно пожилыми офицерами предпенсионного возраста. Тем не менее, они согласились на назначение руководителями подмосковного информационно-аналитического объекта и взвалили на свои плечи невероятно тяжелый груз ответственности за ход его проектирования, строительства и перспективного развития. Спрашивается, для чего им это было нужно? За Прохорова я ответить не могу. Он мало контактировал не только со мной, но и с Вдовиченко. Иногда лишь давал общие указания.

Возможно, Прохоров согласился на эту должность для того, чтобы проявить свои творческие способности, и только во вторую очередь по карьерным соображениям, чтобы закончить службу в должности контр-адмирала. По деловым контактам у меня сложилось впечатление о начальнике центра Прохорове Марате Ивановиче как об очень порядочном человеке, одинаково дружески настроенного ко всем своим подчиненным. Он был обтекаемым и не позволял себе резких высказываний, даже при явном несогласии со своими оппонентами. Никакого высокомерия или карьеристских устремлений я в нем не заметил. Вдовиченко был другой. Он обладал цепким умом аналитика, имел большой научный багаж знаний, но считал свое мнение

абсолютно правильным и не терпел возражений. Совершенно секретное тактико-техническое задание (ТТЗ), определяющее требование Министерства обороны к разработчику центра, он постоянно носил с собой и изучил его наизусть. Он пытался добиться от промышленности, а вернее от главного конструктора центра, академика Савина Анатолия Ивановича и его ближайших помощников, максимального воплощения декларированных в ТТЗ параметров будущего центра.

Когда он работал в Управлении противолодочной борьбы, то не будучи «заказчиком», имеющим право заключать договора с промышленностью, работал, а вернее определял требования к будущим средствам противолодочной борьбы для РТУ ВМФ и для военных институтов. Он был идеалистом-стратегом, не имеющим опыта прямых контактов с главными конструкторами и закрытыми институтами военной промышленностью, ведущими непосредственные разработки новой техники. Даже я, недавний флотский офицер, общался с бригадами гарантийного обслуживания и знал, насколько капризны разработчики новой техники и как они по-своему трактуют параметры своих новых разработок. Уже через месяц-другой под руководством Вдовиченко я осознал, что он своей категоричностью и максимализмом отталкивает от себя разработчиков и конструкторов Аналитического центра. Сказывалось отсутствие опыта работы с промышленностью. Он не умел или не хотел слушать доводы разработчиков, которые часто были лукавыми и спекулятивными, но отвергать их категорично было нельзя, потому что возникали такие спекулятивные доводы не по злему умыслу, а по бессилию разработчиков воплотить все требования ТТЗ в конкретные технические средства.

Спекулировали чаще всего разработчики центра тем, что у них нет достаточно полных исходных данных. Военные институты всю старались, присылали им целые тома рабочих документов по формализованным таблицам донесений и связи, но разработчики всегда говорили, что этого недостаточно. Что можно сказать по этим претензиям? Полной автоматической формализации действующих на тот момент документов донесений было невозможно осуществить никакому гению, потому что не существовало программ поисковых систем подобных, например, «Гуглу» или «Яндексу». Разработчики и гнули к тому, чтобы открыть новый ОКР по разработке программ поисковых систем формализации донесений флотской связи и тем самым оттянуть на неопределенный срок ввод в строй Аналитического центра. Военно-морской флот в лице РТУ ВМФ и Главного штаба, настаивал на том, чтобы завершить создание и запустить в опытную эксплуатацию хотя бы сырой образец Аналитического центра на примитивных вычислительных средствах и с примитивным математическим обеспечением. До появления компьютеров и Интернета, никакой мгновенный прорыв за два-три года, в области программного обеспечения и вычислительных средств был невозможен.

А вот как раз опытная эксплуатация силами промышленности уже существующего Аналитического центра и выявила бы все проблемы информационной несовместимости, заставив программистов от разработчика ускоренно искать способы информационной совместимости и разрабатывать для него новое программное обеспечение. Я быстро понял разницу между мечтами и реалиями, даже понял, что Аналитический центр не сразу заработает с пользой для обороны страны. Однако будучи построен в примитивном варианте, он станет фундаментом для технологического прорыва в области развития вычислительных средств и программного обеспечения. Поэтому я искреннее добивался его скорейшего ввода в строй даже ценой временного отказа от тех параметров, которые заложены в ТТЗ на его разработку. Вдовиченко же требовал полного выполнения всех параметров ТТЗ, как бы не замечая отсутствия требуемого программного обеспечения и высокоскоростных вычислительных средств с огромными резервами оперативной и долговременной памяти. Я ещё раз напомню, что в те времена не было Интернета, компьютеров и даже «флешек» памяти.

Поэтому требования Вдовиченко были правильны и соответствовали ТТЗ, но технически неосуществимы. Надо было смириться и соглашаться на примитивность опытного образца

Аналитического центра, но Вдовиченко этого не захотел делать из карьерных амбиций. Ему очень хотелось стать контр-адмиралом. От РТУ ВМФ сопровождал разработку опытно-конструкторской работы (ОКР) по созданию Аналитического центра начальник 6 отдела неакустических средств полковник Черненко Эдуард Петрович. Он был главным связующим звеном и ответственным лицом по созданию нового объекта. Именно за шестым отделом числился этот ОКР и потому никакой документ, разработанный офицерами штат-кадра, включая командира Прохорова и главного инженера Вдовиченко с моим участием, не мог быть подан на подпись

Начальнику РТУ без визы Черненко. По причине неумения работать с промышленностью, и по причине максимализма, без оглядки на реальность, наблюдались явные трения и признаки взаимной неприязни между главным инженером Вдовиченко и начальником 6-го отдела РТУ ВМФ полковником Черненко.

Скоро я разобрался, что и максимализм Вдовиченко определялся не только стратегическими потребностями политического руководства страны, Генерального штаба и руководства ВМФ в скорейшем построении Аналитического центра, но и его личными карьерными устремлениями. Он во чтобы ни стало хотел ввести штатную численность первой очереди в количестве около 700 человек офицеров и мичманов и притом утвердить за начальником центра и главным инженером штатные должности в звании контр-адмиралов. По временам 1980 года это было явной шизофренией. Даже стратегические атомные подлодки, при норме два экипажа на один «борт», из-за недостатка матросов срочной службы, мичманов и офицеров имели по одному экипажу. Если не собирать всех «калек» и флотских тунеядцев, неприспособленных к нормальной службе, то где же набрать такое количество грамотных и работоспособных флотских специалистов для существующего только на бумаге и в замыслах конструкторов, Аналитического центра?

Возникали и другие проблемы, мешающие Вдовиченко реализовать его наполеоновские планы. Во-первых, в городке Дуброво, не было построено ни одного жилого дома для оперативных работников и обслуживающего персонала будущего центра. Вдовиченко имел жилье в Москве, и его мало интересовало, где будут размещены эти 700 человек, которых он пытался втиснуть в штатную численность Аналитического центра. Во-вторых, не было ещё построено само здание Аналитического центра, и даже в общих чертах от промышленности и главного конструктора не было представлено нормальной функциональной схемы и всего набора технических средств, которым будет оснащен будущий центр. А значит, и рабочие места штатного расписания были пустой фикцией. Да по-другому и не могло быть, потому что Вдовиченко пытался утвердить штатное расписание первой очереди без участия главного конструктора и без участия конструкторов отдельных систем и комплексов. Им было просто нечего сказать. А если бы им и показали штатное расписание, то они приняли бы его за пустую фантазию.

В-третьих, все понимали, в том числе и сам главный конструктор и его помощники, что Аналитический центр является не каким-то серийным изделием, а сверхсложной опытно-конструкторской работой, содержащей в своем составе ряд не менее сложных опытно-конструкторских самостоятельных систем и комплексов. Опытные образцы этих систем и комплексов ещё не были созданы в «железе». Даже если бы они уже были готовы, то обеспечить их информационное взаимодействие без длительной опытной эксплуатации силами конструкторов и предприятий-изготовителей было невозможно. Многие трудности были очевидны и для командования ВМФ и для промышленности, и на то время были непреодолимы из-за несовершенства вычислительной техники, средств телекоммуникаций и отсутствия программного обеспечения. Даже если бы все было установлено, то два-три года огромный штат офицеров и мичманов там был бы ненужным балластом. За пультами сидели бы сами конструктора и программисты и доводили технику до того состояния, чтобы она была хоть в чем-то полезна ВМФ и Генеральному штабу.

Вдовиченко, может быть, лучше всех понимал, что Аналитический центр на базе военной техники 1980 года, работать не может. Но пока умалчивал об этом и гнул свою линию по вводу штатной численности первой очереди, если не ошибаюсь, в количестве 633 офицера и мичмана. Очень уж хотелось ему стать адмиралом. Вот под непосредственным командованием этого человека я и оказался уже на первый день моей службы на новом месте. Если же доверять его словам, а не доверять у меня нет оснований, то и мое назначение на должность инженера Аналитического центра состоялось исключительно по желанию и инициативе Евгения Владимировича Вдовиченко. Естественно, как главный инженер, он имел право подбирать специалистов на оставшиеся три вакантные должности штат-кадра будущего центра. Мне неизвестно, как ленинградский офицер Слава Первак оказался первым претендентом и даже за короткий срок получил служебную квартиру в военном городке Дуброво, где и планировалось создать Аналитический центр ВМФ. Я лишь могу констатировать, что главный инженер Вдовиченко относился с уважением к его мнению, хотя Первак и не блистал в области быстрого написания деловых писем и был практически неспособен грамотно и коротко изложить свои мысли в деловой переписке.

Может быть, поэтому его и отправили в Дуброво, наблюдать за ходом работ непосредственно на будущем объекте. Меня же Вдовиченко избрал опять же по стечению случайных обстоятельств, но в то же время и не совсем случайно. Как мне рассказывал неоднократно сам Вдовиченко, он собственноручно просматривал сотни личных секретных дел флотских офицеров, чтобы подобрать кандидатуры на вакантные должности инженеров штат-кадра будущего Аналитического центра. Сам Вдовиченко имел академическое образование и был золотым медалистом по выпуску из училища и по выпуску из Военно-морской Академии. Когда ему попало мое личное дело, то он с удивлением обнаружил, что я тоже являюсь золотым медалистом по выпуску 1969 года из Высшего Военно-морского училища радиоэлектроники им. А.С. Попова. Тем более что специальность «инженера по автоматике, телемеханике и вычислительной технике», как нельзя лучше подходила к профилю информационно-аналитического центра, основанного на сборе и обработке информации с помощью средств вычислительной техники.

Мои флотские характеристики были безупречны и даже отражали творческий подход к службе в должности начальника РТС атомного подводного ракетноносца. Видимо, по себе зная, что, не имеющие творческого начала личности, золотыми медалистами стать не могут, а также учитывая мои флотские характеристики, Вдовиченко и избрал меня претендентом на вакантную должность инженера штат-кадра Аналитического центра. Ни разу не встречаясь со мной до моего прибытия в Москву к новому месту службы (мы с ним до этого не были знакомы), а чисто по документам, Вдовиченко признал во мне родственную душу и включил в приказ Главкома ВМФ о назначении на должность инженера штат-кадра Аналитического центра. По стечению многих случайных и как бы независимых друг от друга обстоятельств я стал одним из пяти членов штат-кадра будущего Аналитического центра. И по воле того же случая оказался на острие событий по его проектированию и строительству, так или иначе втянутым во взаимодействие с высшим командованием ВМФ, с военными министерствами и ведомствами, с военными институтами, а также с подразделениями Главного разведывательного управления и другими подразделениями Генерального штаба, ответственными за сбор и обработку стратегической информации о противнике в интересах повышения боеготовности Вооруженных Сил и в интересах обеспечения политического руководства страны достоверной информации о состоянии и действиях подводных сил вероятного противника.

Так, благодаря золотой медали при выпуске из училища, соответствующему инженерному образованию и безупречной службе на подводном атомном ракетноносце судьба подарила мне шанс обрести настоящее стратегическое мышление и многому научиться от работы над документами и деловых бесед с представителями Совета Министров СССР, министрами и их

замами, докторами наук и академиками, а также с высокопоставленными военными чиновниками ВМФ и Министерства обороны. Конечно, я очень быстро раскусил замысел Вдовиченко и его неудержимую мечту и цель, во что бы то ни стало раздуть штаты ещё неработающего и даже неукomплектованного никакими техническими средствами Аналитического центра, чтобы ввести должности контр-адмиралов для начальника и главного инженера. То есть, заботился он прежде всего о себе, любимом. Для этого мы и сидели с ним вдвоем в РТУ ВМФ до 22–23 часов, все рабочие дни без перерыва, разрабатывая мифические рабочие места и посменные расписания оперативной деятельности Аналитического центра.

Размышляя из современности о личности интеллектуального «упрямца» Вдовиченко, я могу подтвердить, что свои золотые медали за учебу в военном вузе и академии он добыл не «по благу», а своими способностями, упрямством и «упертостью» в достижении поставленной цели. Я был другим. Даже ещё живущие в этом мире мои однокурсники могут подтвердить, что я особо не напрягался стать золотым медалистом. В какой-то мере, я «корпел» над конспектами даже меньше своих однокурсников. Часто и не вел никаких конспектов. Не было желаний. Конспектами меня выручал рядовой курсант и вовсе не отличник Дима Лопухин из соседнего класса и старшина нашей роты, тоже ставший золотым медалистом Владимир Мельниченко. Они умели писать прекрасные конспекты. Расписание экзаменов у каждого курсантского класса было индивидуальным, и не совпадало с другими классами, а вот многие научные дисциплины оба класса изучали факультативно, по одним и тем же программам. Я этим воспользовался и заранее договаривался с ними, что после сдачи экзаменов, они будут давать на время мне свои конспекты.

Эта договорная система действовала безупречно. По конспектам Димы Лопухина и Владимира Мельниченко я успешно сдал многие экзамены, за что я искреннее благодарен и им самим и их потомству. Все пять лет учебы в ВВМУРЭ им. А.С. Попова я не получал никаких повышенных стипендий как отличник учебы. А то, что по результатам пятилетнего обучения я «тяну» на золотую медаль, стало неожиданным приятным сюрпризом даже для меня самого. Я, конечно, знал, что за все пять лет обучения ни на одном экзамене я не получил оценки ниже пятёрки, но максимум рассчитывал на красный диплом. Я очень не любил воинскую дисциплину, но пять лет терпел её, потому что хотел получить инженерное образование и стать не нахлебником государства, а финансово независимым самостоятельным человеком. Руководство училища тоже было заинтересовано в том, чтобы большее количество её выпускников стало золотыми медалистами. Особенно был заинтересован наш командир роты капитан 3-го ранга, Яков Наумович Веккер, который все пять лет был нашим наставником и воспитателем.

Ему и его потомству я тоже от души благодарен за то, что мне удалось закончить училище, да ещё и получить золотую медаль за её окончание. Я ни разу не попался за злостные нарушения дисциплины, поэтому после защиты диплома все мои мелкие нарушения были забыты и отброшены. Отборочная комиссия посчитала результаты сдачи экзаменов и зачетов за все пять лет учебы и о, чудо! Меня наградили по выпуску из училища золотой медалью. Так что, я хотя и был золотым медалистом, но в корне отличался от Вдовиченко, и складом характера и способом накопления интеллектуально-научных знаний. А тем более, я никогда не считал свое мнение абсолютно правильным или единственным. Я умею прислушиваться к другим людям и сопоставляя их мнение со своим мнением, корректировать свое мнение для выработки общих взглядов. Вдовиченко мыслил сделать Аналитический центр выше Оперативного управления ВМФ и превратить его в орган оперативного управления Генштаба МО и ВМФ для выработки стратегических решений.

Однако по техническому заданию и по замыслу командования Министерства обороны и ВМФ, Аналитический центр должен быть лишь информационным звеном для сбора надежной и достоверной информации о подводных и надводных силах вероятного противника. Командование Вооруженными Силами и Военно-морским флотом СССР, не собиралось передавать

новой информационной структуре функции выработки предложений по применению ядерных сил или по планированию операций Военно-Морского флота и ревниво пресекало всякие попытки превратить Аналитический центр в подобие запасного Командного пункта ВМФ или Генштаба. А вот мой «шеф» Вдовиченко, чтобы обосновать адмиральские звания командования центра, не понимал этой ревности. Он упорно «всовывал» в обязанности командования центра выработку рекомендаций по боевому использованию и применению ракетно-ядерных сил. Это было неприемлемо для руководства Главного штаба ВМФ и некорректно по отношению к управляющим структурам Генерального штаба, что и привело Вдовиченко сначала к полной изоляции, а в последующем и к увольнению с военной службы по выслуге лет.

Причиной его поражения было то, что в ослеплении одной идеей личной карьеры, он не заметил своего полного одиночества. Но все-таки, это тоже чудо, что Вдовиченко был золотым медалистом и выбрал меня из множества претендентов на должность инженера центра, как золотого медалиста. Насколько я знаю, многие посредственные выпускники военных училищ, достигшие положения начальника, не очень-то любят золотых медалистов. По крайней мере, добровольно себе в подчиненные помощники они их не назначают, боясь конкуренции. Лично я никогда и никому не жаловался на Вдовиченко и не имел никакого отношения к его последующему, через несколько лет после описываемых событий, увольнению в запас по выслуге лет. Дело было так, что где-то в 1984 году, когда я уже стал офицером РТУ ВМФ, Вдовиченко написал личный рапорт начальнику Главного штаба ВМФ, в котором указал, что на вычислительной машине, взятой разработчиком и главным конструктором академиком Савиным А.И. от комплекса ПВО, Аналитический центр работать не сможет. Он указал на низкое быстродействие, ограниченную оперативную память и отсутствие программного обеспечения. Вдовиченко был абсолютно прав!

Но эту правду знали все, в том числе и начальник Главного штаба ВМФ. И все-таки строили Аналитический центр, потому что заменить вычислительную машину на новый будущий вычислительный комплекс значительно проще, чем восстановить разрушенную идею создания автоматической системы сбора и обработки информации о подводной и надводной обстановке на акватории мирового океана. Естественно, что вместо приостановки строительства Аналитического центра, последовала команда об увольнении Вдовиченко со службы по выслуге лет. А вот лично для меня Вдовиченко сделал неоценимую услугу тем, что без личного знакомства настоял на моем назначении инженером штат-кадра Аналитического центра. За это я благодарен и ему лично и его потомству. В этом назначении из сегодняшнего «далека» я усматриваю не рядовое везение, а божественную мистику. О чем я говорю? Дело в том, если бы Слава Первак, который был назначен первым после командира Прохорова и главного инженера Вдовиченко, оказался способным к работе в Центральном аппарате ВМФ, то тогда я вместо него и был отправлен в Дуброво. Там бы получил в 1982 году квартиру в закрытом военном городке и никогда уже не стал жителем Москвы и офицером РТУ ВМФ.

Ещё более поразительной случайностью является тот факт, что эти два жилых дома на 80 квартир в городке Дуброво для офицеров и членов семей будущего Аналитического центра, по утвержденному руководителем советского государства Леонидом Брежневым в 1978 году, совместному решению ЦК КПСС и Совета министров СССР, должны были быть построены и сданы в эксплуатацию уже в 1980 году, как раз ко времени моего прибытия к новому месту службы. Если бы это утвержденное главой государства решение было исполнено в срок, то не потребовалось бы разрабатывать согласованный с ГИУ ВМФ план-график строительства этих домов, утверждать этот график у Главнокомандующего ВМФ и два года ежемесячно контролировать ход строительства и докладывать об его исполнении Главкому Горшкову. А главное, я бы после перевода в Подмоскowie сразу получил жилье в городке Дуброво, устроил семью и получил постоянную прописку.

Не видать бы мне тогда московской квартиры, как своих собственных ушей. Получив квартиру в Дуброво, я мгновенно терял статус бесквартирного офицера, прослужившего более пяти лет на атомной подводной лодке. Я же служил на атомной лодке не пять, а целых одиннадцать лет. О тайне этого статуса я вам поведаю ниже. Пока лишь скажу, что и сам я узнал об этом статусе совершенно случайно из пьяной застольной беседы с моим флотским товарищем Луцуком Андреем Александровичем, во время совместной пьянки 6 или 7 ноября 1981 года, в честь очередной годовщины Великой октябрьской революции. Если бы я получил в 1980 году квартиру в Дуброво, то на всей моей будущей московской карьере, как и на жительстве в Москве, был бы поставлен жирный крест. Наверное, я бы и по сию пору жил в этом Дуброво. Меня могли бы и временно откомандировать в Москву, для работы в РТУ ВМФ. Но в этом случае никакие таланты не помогли бы мне без академического образования и без связей с командованием ВМФ, стать офицером Центрального управления ВМФ, а тем более, имея жилье в военном городке, и будучи там прописанным, купить в Москве кооперативную квартиру. Так что, отсутствие жилья на объекте и двухлетний статус бесквартирного офицера атомной подводной лодки, явились несказанным везением для моей будущей судьбы и военной карьеры.

Парадокс в том и заключается, что для моего будущего и будущего моей семьи оказалось удачей и благом, то «грустное» обстоятельство, что секретный объект, вопреки всем утвержденным главой государства Л.И. Брежневым документам, находился в начальной стадии строительства. И не было, не только никакого жилья, но и самого объекта. Командир части приказал мне снять квартиру для семьи в Москве и прикомандироваться к Радиотехническому управлению ВМФ, которое и было заказчиком секретного объекта. Так нежданно-негаданно, в дни летней Олимпиады 1980 года, я вместе с семьей оказался хотя и временным, но все же жителем Москвы. Не передать словами, какие чувства восторга и радости я испытывал, когда стал выходить на службу в Радиотехническое управление ВМФ. Одиннадцать лет для меня были непреложными законами совершенно секретные правила боевого использования радиотехнических средств подводной лодки, которые были подписаны и утверждены начальником Радиотехнического управления ВМФ. Да и вся наша сверхсложная и сверххумная техника разработана и внедрена на подводные лодки и корабли ВМФ усилиями Радиотехнического управления ВМФ.

Для рядового начальника радиотехнической службы подводной лодки, каким я и был на Северном флоте, начальник управления и офицеры РТУ ВМФ казались недостижимыми законодателями и творцами, попасть в число которых я даже не смел мечтать. Я и не мечтал. Просто я испытывал чувство гордости от того, что своей службой прикомандированного помогаю создавать новый объект и практически исполняю функции офицера РТУ ВМФ. И исполняю так грамотно, что это не вызывает нареканий, ни со стороны моих непосредственных начальников по Аналитическому центру, ни со стороны офицеров и начальника шестого отдела Черненко, ни со стороны начальника РТУ ВМФ, доктора технических наук, профессора и контр-адмирала Попова. Существенную роль играло и то обстоятельство, что я без всяких «раскачек» и трений нашел деловой, творческий, и житейский контакт с высокопоставленными и ответственными адмиралами и генералами ВМФ и управлений Генерального штаба Министерства обороны, с высокопоставленными министерскими работниками военной промышленности, а также с научными работниками всех рангов из военных и гражданских институтов, работающих в интересах укрепления обороноспособности Советского Союза.

А теперь пришло время рассказать, как зародилась идея, получить московскую прописку и купить кооперативную квартиру и как эта идея реализовалась на практике.

Глава II

Непредсказуемый поворот судьбы

1. Кто и как попадал в Центральный аппарат Министерства обороны и ВМФ

Все что я выше рассказал, никак не наталкивало меня на мысль получить московскую прописку, купить кооперативную квартиру и стать законным московским жителем. Такой поворот судьбы я считал принципиально невозможным. Дело в том, что для получения московского жилья нужно, чтобы офицер был назначен на должность в московские военные структуры и организации, в том числе, и в структуры Центрального аппарата ВМФ, приказом Министра обороны или приказом Командующего Московским военным округом. Если твои родители не были москвичами, то получить прописку в Москве семье офицера и получить жилье, помимо приказа Министра обороны и Командующего МВО, было невозможно. Уже через несколько месяцев московской службы я для себя понял, что большинство офицеров Центрального аппарата ВМФ, по уровню интеллекта, по уровню усердия к службе и по уровню специальных знаний, мало чем отличаются от меня – рядового начальника РТС атомной субмарины Северного флота. Наоборот, многие офицеры других управлений ВМФ, произвели на меня негативное впечатление своим высокомерием и ленью.

В РТУ ВМФ была другая, всегда деловая и напряженная обстановка, потому что офицеры РТУ исполняли тяжелые функции разработчиков НИР и ОКР, а также были заказчиком серийной техники для береговых служб и всех типов кораблей и подводных лодок Военно-Морского флота. Помещения, коридоры и даже лестничные курилки всегда были наполнены толпами посетителей. Заглянув в любой отдел, можно было наблюдать как офицеры отдела беседовали с посетителями. Там просто невозможно было «прохлаждаться» на службе. С утра до вечера каждый офицер отдела был по горло занят неотложными делами. Так же напряженно работали и начальники отделов вместе с командованием радиотехнического управления. Вспоминаю, что всего было около 50–60 штатных офицеров. Не больше. Однако все те офицеры, которые занимались разработкой новой техники, обязательно заканчивали Военно-Морскую академию.

Они попадали в Москву по приказу Министра обороны после окончания Военно-морской академии. Года три отстояв очередь, такие офицеры получали бесплатное жилье из фондов Министерства обороны, и становились пожизненными москвичами. Были и такие офицеры, в основном не в РТУ, а в других управлениях ВМФ и структурах Министерства обороны, которые прописывались у родителей-москвичей, и показывая справку о прописке самостоятельно подыскивали себе вакантные места, обычно во время очередного отпуска. Такие офицеры могли служить как угодно далеко и где угодно, но если у них вышел срок службы в первичной флотской должности, а офицер имел положительные характеристики за всю предыдущую службу, или имел родственников и знакомых, которые за него ходатайствовали, то обязательно находил свободную вакантную должность. Такие сравнительно не престижные вакантные должности всегда были в наличии в огромном аппарате Министерства обороны и Управлений ВМФ московского гарнизона. Нужна была лишь личная целеустремленность, хорошая характеристика с места службы и справка о наличии московского жилья и прописки. Далее было лишь делом техники.

Посылался запрос командованию части о согласии на новое назначение офицера в гарнизон Москвы. При получении согласия, любой Командующий видами Вооруженных сил, в

том числе и Командующий ВМФ, своими внутренними приказами могли перевести офицера к новому месту службы и назначить на вакантную должность в московском гарнизоне. Конечно, для успешной карьеры в аппарате Министерства обороны или в управлениях ВМФ требовалось академическое образование. Однако для потомственных москвичей, имеющих право на прописку в Москве и жилье родителей, прописка приравнивалась к военной академии. Имея московскую прописку и положительные характеристики, можно было легко самому, даже без высокопоставленных покровителей, подыскать спокойную вакантную должность и снова стать московским жителем.

Я никогда не был москвичом и не имел академического военного образования, поэтому прекрасно понимал, что у меня нет никаких шансов стать офицером радиотехнического управления ВМФ. Мне ничего не оставалось другого, как ежемесячно готовить доклады Главкому ВМФ о ходе строительства двух домов в городке Дуброво, потому что очень хотелось получить на семью из четырех человек трехкомнатную квартиру, и наконец-то, обрести постоянное место обитания для себя самого и своей семьи. Ещё раз повторю, что было негласное указание, чтобы не закончивших военную Академию офицеров, не включали в приказ министра обороны, о назначении на штатные должности города Москвы. И указание это было абсолютно правильным, потому что не позволяло высокопоставленным военным чинам протаскивать своих чад на «теплые» московские должности. Сначала они должны были получить высшее военное академическое образование и лишь потом, по вызову из Центрального аппарата Министерства обороны или Военно-Морского флота, назначались приказом Министра обороны на вакантные должности.

Таким способом ограничивались возможности коррупционного притока в центральные военные органы бездарностей и лентяев и всяких «сынков» высокопоставленных офицеров командного звена ВМФ и Минобороны. Конечно, такие «сынки» неизменно оказывались в Центральном аппарате ВМФ и Министерства обороны, но после того как они заканчивали Академию и получали высшее военное образование. Как-никак, но два года учебы в Академии расширяли кругозор и приучали к работе с научной литературой и документами. Я же был назначен на подмосковный объект в Дуброво не приказом Министра обороны, а приказом Главкома ВМФ. Мой объект не имел никакого отношения к Москве, и никто, кроме командования ВМФ, не мог меня обеспечить постоянным жильем даже в военном городке Дуброво, расположенном за 60–70 километров от московской кольцевой дороги. Конечно, когда я «раскрутился» как грамотный специалист и стал равным по знаниям и опыту со специалистами Радиотехнического управления ВМФ, начальник 6-го отдела Черненко и начальник РТУ ВМФ были не против назначить меня на вакантную должность штатного офицера управления. Но они не могли этого сделать, даже если бы и очень захотели.

Включить мою кандидатуру в приказ министра обороны было невозможно, так как я вместо Военно-морской академии, служил на флоте. Не помню уже, сожалел ли я в тот момент об отсутствии академического образования. По-моему,нисколько не сожалел. Дело в том, что меня, деревенского парня без всякой морской родословной, загнали бы после Военно-морской академии в какую-нибудь флотскую «Тмутаракань» на побережье Северного Ледовитого океана или в дальние углы Камчатки, и я бы оттуда, без знакомств и связей, никогда не выбрался до самой пенсии. Военный городок Дуброво был мне в тысячу раз привлекательнее, потому что были ещё живы престарелые родители в одной из тамбовских деревень, и я хотел их чаще видеть. А высокие должности и звания меня никогда не привлекали и не были моей целью жизни. Так что следующий, 1981 год, я встретил в том же подвешенном состоянии инженера центра, якобы прикомандированного к РТУ ВМФ. Никакого командировочного предписания у меня, конечно, не было. Поэтому никаких командировочных я не получал. Я даже условно жил в городке Дуброво. Там за мной числилась комната в гостинице, за которую я ежемесячно платил около 60 рублей из своей скромной офицерской зарплаты.

В Москве съемная квартира для семьи стоила 120 рублей в месяц. С учетом оплаты гостиничного номера я половину полочки тратил на жилье, а на остальную половину жили я сам, моя безработная жена и двое дочерей школьного возраста. Где-то в начале 1981 года вместо штат-кадра из пяти человек пришло штатное расписание первой очереди Аналитического центра на численность примерно 120 мичманов и офицеров. Вдовиченко и Прохоров с головой ушли в работу по подбору кадров. Я продолжал службу в РТУ ВМФ под непосредственным руководством начальника 6 отдела Черненко. Ежедневно по средам, после завершения службы в управлении, Черненко, Прохоров и я отправлялись не по московским квартирам, а на автобусную станцию у метро «Щелковская». Там мы покупали билеты, садились на рейсовый автобус и примерно полтора часа ехали до городка Дуброво. Я уже говорил, что в служебной гостинице там был у каждого из нас отдельный номер. Мы скромно ужинали в местном буфете, и расходились на отдых.

Часам к восьми утра мы пешком добирались до практически построенного служебного здания Аналитического центра и занимались по своим обязанностям. Вдовиченко уже был старшим на объекте. Он строил офицеров и докладывал Прохорову о замечаниях за неделю. Командир здоровался с подчиненными офицерами, а затем общался с личным составом, а мы с Черненко собирали информацию от представителей промышленности, офицеров и научных специалистов военных институтов и уже назначенных на штатные должности офицеров центра о ходе работ и о существующих проблемах. Об этой моей работе на объекте надо рассказать отдельно.

2. Секретарские обязанности и деловые посещения кремлевского кабинета Совета Министров СССР

Часам к 10–11 четверга приезжал главный конструктор академик Савин или его ближайшие заместители, представители Военно-промышленной комиссии при Совете Министров СССР, а от Военно-Морского флота начальник управления противолодочной борьбы Главного штаба ВМФ вице-адмирал Волобуев. Обязательно присутствовали научные представители военных институтов, которые выдавали исходные данные и вели сопровождение ОКР «Аналитический центр» по своим направлениям. Все вместе мы составляли выездную межведомственную оперативную группу, созданную по решению Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР, для решения разногласий между заказчиком Аналитического центра и представителями разработчиков технических средств. Заседание оперативной группы начиналось часов в 14 дня и продолжалось до тех пор, пока все нерешенные вопросы не заносились в протокол, и все ответственные за их исполнение, не ставили свою подпись. После чего протокол утверждался вице-адмиралом Волобуевым и академиком Савиным и на том совещание заканчивалось.

Мне очень импонировало, что я был назначен единственным секретарем этой оперативной группы. С ума можно сойти. Фамилия бесквартирного офицера фигурировала в секретном распоряжении Совета Министров СССР! Как бы ни старался я выглядеть в своих воспоминаниях человеком, безразличным к личной власти над людьми, но такой «взлет» от рядового офицера атомной субмарины до секретаря одной из рабочих групп Совета Министров СССР, несомненно, укреплял во мне уверенность в себе, тешил человеческую гордыню и питал мое самолюбие чувством собственной значимости и полезности для государства. В мои секретарские обязанности входило ведение протокола в секретной тетради, грамотное формулирование нерешенных вопросов, фиксирование дат и сроков исполнения нерешенных вопросов и фамилий ответственных лиц. Все это было для меня не так трудно.

Трудно было собрать под черновиком протокола подписи всех лиц, ответственных за исполнение отдельных пунктов протокола. Одно дело – согласиться на словах, а другое – поставить свою подпись. Опять разгорались нешуточные споры. И вот представьте себе: мне, самому младшему по званию офицеру, как секретарю приходилось брать управление оперативной группой на себя и объявлять, что пока все подписи не будут собраны, совещание не закончится. И все меня слушались. Академик, доктора наук, адмирал, 5–6 капитанов 1-го ранга и даже представитель Совета Министров СССР, все вместе подходили к моему столу и в яростном споре добивались подписи под протоколом, лиц, ответственных за исполнение тех или иных пунктов. Когда члены оперативной группы расходились и разъезжались на служебных машинах, уходили в гостиницу или уезжали в Москву на городском транспорте, моя работа не оканчивалась. В одиночестве я переводил черновой секретный протокол в несекретный вариант, стараясь дословно сохранить преамбулу и смысл каждого пункта. После этого сдавал секретную тетрадь в секретную часть Аналитического центра и в одиночестве городским автобусом уезжал в Москву.

Никого не интересовала процедура доставки секретного документа в Москву, но работники Совета Министров неукоснительно требовали, чтобы утром в понедельник следующей недели я приносил им в Кремль уже отпечатанный на машинке протокол совещания. С зашифрованным черновиком протокола я приезжал поздно вечером в Москву и на метро добирался до съемной квартиры у метро «Коломенская». В пятницу утром я переписывал зашифрованный протокол в секретную рабочую тетрадь и, получив визу Черненко, сдавал тетрадь в машбюро для срочной печати. Получив документ из печати, я бежал с ним московскими дворами и переулками на Большой Козловский переулок, в Главный штаб ВМФ, чтобы получить на

подлиннике утверждающую подпись вице-адмирала Волобуева. Сделав это важнейшее дело, уже спокойно возвращался назад.

Даже иногда заходил в чайный магазин на улице Кирова и покупал там или чай или грамм 300–400 свежемолотого кофе. Кофе в те времена было другим. Запах и аромат кофе разнился от этого магазина метров на 500–600. Возможно, это от того, что мололи кофе прямо при покупателе. Но я подозреваю, что современный кофе просто в подметки не годится тому кофе, которое продавали в чайном магазине на улице Кирова. Вернувшись в радиотехническое управление ВМФ, на Большом Комсомольском переулке, я звонил в Кремль, докладывал представителю Совета Министров, что протокол отпечатан и готов к рассылке. Как правило, мне не разрешали немедленную рассылку. Сотрудник Совмина заказывал для меня пропуск в Кремль на понедельник, и к 10 утра я привозил протокол непосредственно в здание Совета Министров СССР, которое располагалось внутри территории Кремля, прямо напротив мавзолея Ленина. Представляете себе, какие чувства испытывал бесквартирный офицер, получая слева от Спасских ворот, в бюро пропусков, пропуск в здание Совета Министров, и проходя затем по величественным коридорам, где на каждом повороте и этаже стоял охранник и проверял мой пропуск, заодно указывая направление, куда идти.

Огромный кабинет двух рядовых сотрудников Совета Министров СССР, которые курировали создание Аналитического центра, выходил окнами на Красную площадь. С высоты птичьего полета открывалась прекрасная панорама Красной площади. Чуть ли не под нами располагалась зубчатая кремлевская стена и Мавзолей Ленина. Кремлевские небожители показались мне не творческими гениями или суровыми государственными мыслителями, только и думающие о благе государства. (Таковыми, озабоченными делами государства, сотрудники Кремля мне казались из прочного корпуса атомной подводной лодки.) Нет. На деле оказалось все проще и приземленнее. Они были самыми обыкновенными людьми и вели самые обычные разговоры, которые вели по понедельникам миллионы советских людей не самого высокого ранга. Делились впечатлениями, как кто провел выходные дни, какого качества пил самогон и т. д. Особенно меня поразило, что кремлевские служащие тоже предпочитают хороший самогон всяким коньякам и даже довольно качественным советским винам и водкам.

Их разговоры ничем не отличались от разговоров моего отца и его сельских товарищей тамбовской деревни. Да и важности в них никакой не было. Люди как люди. Только постарше меня лет на 15–20. Они тоже любили слушать мои «байки» про службу на атомной подводной лодке и относились ко мне весьма дружелюбно. Пока они, собравшись у стола, читали и изучали протокол, а иногда что-то и правили в нем, прежде чем снять ксерокопию для заместителя председателя Совета Министров по военно-промышленным вопросам, я мог и покурить у окна хороших импортных сигарет, которыми они меня неизменно угощали, а заодно и любоваться панорамным видом на Красную площадь. Минут через 30–40 я покидал Кремль и возвращался в управление. Там я писал «сопроводилровку», а после печати и подписи сопроводительного письма начальником управления, веером рассылал копии протокола всем заинтересованным организациям. Это была, хотя и важная, но лишь малая часть моей еженедельной работы. Кроме протокола шел огромный поток секретной переписки по Аналитическому центру, и на все письма надо было отвечать. В поте лица трудился не только я, но и полковник Черненко.

Хочу отметить одно существенное обстоятельство советского времени. Я постоянно ходил в Кремль, как и в другие закрытые учреждения и дома Министерства обороны и ВМФ с личным, довольно объемистым портфелем, а некоторое время и с плоским чемоданчиком, который назывался дипломатом. Посещал я Кремль и другие закрытые и секретные управления и организации, например, ГРУ Генштаба, всегда в форме морского офицера с погонами капитана 3-го ранга. Может быть, из-за формы, а может быть, из-за отсутствия в СССР актов террора, но доверие охраны к личности посетителя в советские времена было так велико, что

никто и никогда даже не пытался проверить, что же хранится в моем объемистом портфеле или дипломате. Что тут много говорить! Жена по северной привычке часто забывала закрыть на ключ дверь съемной квартиры. Обнаружив случайно этот факт, я стал сурово выговаривать ей за разгильдяйство, убеждая, что Москва – это не закрытый военный городок на Крайнем Севере. Вор может в любой момент проникнуть в незапертую дверь и украсть ценные вещи. Жена исправилась и стала запирает дверь на ключ.

Конечно, по сегодняшним понятиям запертая на замок деревянная дверь создавала лишь видимость защиты от вора. Ни у кого не было никаких дополнительных засовов и металлических штырей. Любой взрослый здоровый человек мог выдавить плечом любую дверь в московских многоэтажках и выкрасть ценные вещи за время отсутствия хозяев квартир во время рабочего дня. Но повального воровства-то не наблюдалось! Советские люди были другие. Это был феномен сверхдоверчивых людей, которых уже больше никогда не будет. Во времена Ельцина эпоха деревянных дверей закончилась, а сверхдоверчивые люди вымерли, как вымерли когда-то мамонты. В наше время большинство московских квартир оборудованы железными дверями со штырями и тайными задвижками. Но люди стали другими, а воры – наглее и изощреннее. Да их и численно, наверное, стало больше. По крайней мере, после развала СССР даже металлические двери не защищали москвичей от пронырливых домушников, нахлынувших в Москву из всех темных подворотен погибающих городов прежнего, безвозвратно канувшего в лету простодушного и доверчивого Советского Союза.

Я проехал на своих «Жигулях» Чечню, Ингушетию, Осетию, Дагестан, Азербайджан, Армению и Грузию. Проехал по Украине до Львова. И во всех этих республиках и регионах ко мне, русскому человеку, относились, как к родному брату. Никто меня не оскорбил и не покусился на мою собственность, хотя мы путешествовали вдвоем с женой, без всякого оружия и ночевали не в гостиницах, а на стоянках грузового автотранспорта. Сейчас об этом даже помыслить невозможно. В наше время такой доверчивости, гостеприимности и братства уже невозможно представить даже в теории. Но ведь это же было! Хотя не для всех. Были и в советские времена люди, которые считали, что они задыхаются от несвободы и тоталитаризма советской системы. Что интересно? Интересно то, что дети этих людей и сейчас задыхаются, в современной России, от того же диктата демократической власти и тоталитаризма. Нет, господа, не лицемерьте. Ненавистны вам русские люди и российское православие! Это они давят вам на психику и вызывают ненависть и отторжение.

Можно рекомендовать только одно – уезжайте туда, где вам нравится. Ведь никто же вас здесь не держит. Носителям духа дьявола всегда было и будет тяжело, несвободно и неудобно на Руси, при любой власти. Потому что эта не территория дьявола, а территория Бога Всевышнего. Она и при советской власти продержалась лишь шесть лет в лапах служителя дьявольского духа – Ленина. А затем 70 лет КПСС ломала психологию русского народа, издевалась над ним начетничеством и безбожием, а затем передала в лапы очередного служителя дьявольского духа – Ельцина. Да, этот враг рода человеческого нанес ощутимый удар по душе русского народа. Но и он не сломал Русь и не заставил её плясать под дудку дьявола. Русь не только живет, но и поднимается с колен, собирая вокруг себя тех, кто ещё верит в справедливость и не потерял совесть человеческую. Пока Богу Всевышнему будет нужно современное человечество – будет существовать и независимая Россия. Так что не спешите её хоронить. И поймите, наконец, господа русские ненавистники, что Русь является удерживающей силой Бога Всевышнего. Не сам народ, а Бог организует народ в случае смертельной опасности и дает ему необходимого лидера, причем просчитывает все так, что даже при ничтожных вероятностях, победа остается за русским народом. Вот куда меня утянули воспоминания о советском прошлом. Но вернемся к сюжету.

Рассказывая предысторию получения московской прописки и покупки кооперативной квартиры, я просто обязан упомянуть добрым словом моего «шефа» Вдовиченко, который

оформил мне особенный пропуск, по которому я мог посещать без предварительного доклада любые управления ВМФ и Министерства обороны, вплоть до приемной Министра обороны и его заместителей. Не имея такого пропуска, я бы никогда не смог добиться приема у начальника Хозяйственного управления (ХОЗУ) Министерства обороны генерала Маслова, а значит, и не решил бы личной жилищной проблемы. Да, пропуск у меня был особенный, который не имели даже штатные офицеры РТУ ВМФ. И в этом была заслуга моего «шефа» Вдовиченко. Он подробно знал организацию органов управления Минобороны и их размещение на территории Москвы. В заявке на оформление моего пропуска он указал все эти структуры и все «дома», о которых я тогда не имел никакого понятия.

Право на посещение других организаций и «домов» Минобороны, без заказа предварительного пропуска, фиксировалось отдельными цифрами или значками в нижней части пропуска. У обычного штатного офицера РТУ ВМФ, было всего два-три значка, чтобы беспрепятственно посещать три «дома», в которых располагались органы управления ВМФ. Чтобы посетить органы управления Генштаба, штатному офицеру нужно было созваниваться с представителем организации или органа управления, куда необходимо попасть, объяснять ему необходимость посещения и заказывать пропуск на посещение. Если нужно посетить, например, ГРУ Генштаба, то обязательно нужно, чтобы представитель и сотрудник ГРУ и заказал на тебя пропуск. В этой ситуации незаметно попасть на прием начальнику какого-либо управления Минобороны было практически невозможно. Благодаря Вдовиченко на моем пропуске было около 10–12 значков, что давало мне право беспрепятственно «проникать» во все органы управления Минобороны без предварительного согласования. Я сразу же оценил уникальные возможности этого права, когда потребовалось согласовывать вопросы по Аналитическому центру, с тем или иным руководством Минобороны.

Мне не нужно было созваниваться с рядовыми исполнителями, сопровождающими работы по созданию Аналитического центра, чтобы попасть на прием к высокопоставленному начальнику. Имея «всеходовой» пропуск, я заходил в нужное мне управление ВМФ или Минобороны и сразу проходил в приемную к начальнику управления. Там меня не ждали, но и никогда не выгоняли, по тем нормам вежливости, которые существовали на ту пору в руководстве ВМФ и Минобороны. Узнав, что нужный мне начальник находится в кабинете, я просил секретаря приемной или дежурного офицера, там, где дежурный офицер являлся одновременно и секретарем начальника, доложить обо мне и скромно усаживался в какой-нибудь дальний угол приемной. Проходило какое-то время, и меня обязательно приглашали к начальнику. Ну, а дальше я включал свое обаяние офицера, только что прибывшего с атомной подводной лодки, устанавливал житейский контакт, и как правило, за час-полтора получал нужное согласование. Если бы у меня не было такого пропуска, то на подобное согласование можно было затратить несколько дней или даже целую неделю.

Я об этом уникальном всепроникающем свойстве собственного пропуска вспомнил не зря. Когда я стал заниматься собственной пропиской в Москве, чтобы как бесквартирному офицеру-подводнику, купить кооперативную квартиру, то попал на мгновенный прием к Начальнику ХОЗУ Минобороны генералу Маслову, только благодаря своему уникальному пропуску. Если бы у меня не было собственного пропуска, то не зная никого из его подчиненных, я был бы вынужден звонить его дежурному офицеру, чтобы заказать разовый пропуск на посещение. На сто процентов уверен, что дежурный офицер нашел бы тысячу причин, чтобы не заказывать мне разовый пропуск и не беспокоить своего начальника. Я рассказал о том хорошем, что происходило со мной примерно до середины 1981 года. В управлении все было в порядке. Я справлялся с обязанностями и мой авторитет рос на глазах, как среди офицеров, так и среди руководства Радиотехнического управления ВМФ. Однако судьба мне подготовила подвох, которого я не ожидал, но который заставил меня задуматься о своем будущем.

Дело в том, что хотя я был нештатным офицером РТУ ВМФ, но по штату принадлежал к офицерам Аналитического центра. Там я ежемесячно получал свое скромное денежное довольствие и только там меня могли назначить на более высокую штатную должность, чтобы получить давно просроченное звание капитана 2 ранга и хотя бы на 10–20 рублей увеличить ежемесячное денежное довольствие.

3. Тревожная обстановка 1981 года

А вот в Аналитическом центре мои дела обстояли не так гладко. После того, как пришло штатное расписание на первую очередь, ранее отобранные кандидаты, назначались приказом Главкомандующего ВМФ в Аналитический центр, и со своими семьями стали прибывать в военный городок Дуброво. Мой непосредственный начальник Вдовиченко, потерпев фиаско с утверждением в штатном расписании адмиральских должностей для начальника и главного инженера, временно смирился с обстоятельствами, но затаил злобу на меня и Черненко. По указанию начальника центра Прохорова он убыл в Аналитический центр, чтобы заниматься прибывающими офицерами, назначать их приказами по части на штатные должности, определять им рабочие места, писать функциональные обязанности и заниматься многими другими делами, связанными со становлением новой части и самого военного объекта.

Конечно, его ближайшим окружением, помощниками и советчиками, стали офицеры штат-кадра Слава Первак и Валера Двораковский. Мягко говоря, к этому времени они не испытывали к моей личности никаких других чувств, кроме зависти и ревности. Сейчас, задним числом, я очень удивляюсь: почему я проявлял полную безалаберность по отношению к своей будущей карьере в Аналитическом центре? Для меня сегодняшнего это необъяснимо. Казалось бы, я должен был тщательно изучить штатное расписание, подобрать себе должность по рангу и знаниям и настойчиво домогаться у начальника центра Прохорова назначения на избранную должность. Прохоров был очень мягким и податливым человеком. Если бы я попросил назначить меня, хотя бы временно, начальником оперативного отдела или начальником отдела эксплуатации, чтобы получить давно просроченное звание капитана 2-го ранга, то Прохоров наверняка пошел мне навстречу. А если бы и засомневался, то я мог бы подключить к давлению на Прохорова начальника 6-го отдела РТУ ВМФ, который был полностью удовлетворен моей работой нештатного офицера радиотехнического управления.

И все эти действия были бы абсолютно правильны и законны, потому что человек должен строить свою судьбу сам, а не надеяться на счастливый случай. Поразительно, но я был до самозабвения увлечен своей работой, так, что мое личное будущее в Аналитическом центре меня как бы не касалось. По флотской, да и по личной наивности я был уверен, что Прохоров оценит мою работу и знания и назначит куда надо. Не учел я только того обстоятельства, что командир Прохоров появлялся в части только по четвергам и пятницам. Он вместе со мной приезжал на совещание и оставался ещё на один день для решения командирских вопросов. В пятницу вечером уезжал и возвращался только в среду вечером вместе со мной и Черненко. Вдовиченко же в это время находился в части с понедельника до пятницы безвыездно, и по мягкости командирского характера всю кадровую работу перевел на себя и на своего лучшего подчиненного Славу Первака.

Их два голоса всегда перевешивали один командирский голос, и потому комплектовались офицерские штаты центра практически по личному распоряжению Вдовиченко. Вдовиченко умел создать вокруг своей личности ореол таинственности носителя власти, и подчинить офицеров своей воле. В сентябре 1981 года, вероятно, во время очередной поездки в Аналитический центр для проведения совещания оперативной группы, командир Прохоров сообщил мне, как бы между делом, что я назначен на штатную должность заместителя начальника оперативного отдела. Я не выдал разочарования и поблагодарил командира за заботу. Да и чего разочаровываться? Ведь у меня не было академического образования. А заместитель – это все же начальствующая должность над офицерами-операторами и интересная творческая работа. Настоящее разочарование и даже внутреннее чувство унижения и оскорбления я испытал уже в самом Аналитическом центре, когда узнал, что начальником оперативного отдела назначен

Слава Первак. В этот приезд у меня как бы открылись глаза, и я стал замечать то, что не замечал раньше.

Вновь прибывшие офицеры, в звании от капитана 3-го ранга и ниже, в том числе и единственный капитан 2-го ранга, назначенный начальником отдела связи, чуть ли не на цыпочках подходили к кабинету Вдовиченко, а когда он шел по помещениям центра, то прижимались к стенке и отдавали честь. Прохорова как командира приветствовали только на утреннем построении, а в течение дня его как бы и не замечали вовсе. Как будто это не командир части, а прикомандированный к ней капитан 1-го ранга. Частично так незаметно настраивал офицеров Вдовиченко, а частично этому способствовал сам начальник центра Прохоров. Если он и был когда-то давно настоящим командиром для своих подчиненных, то длительное время находясь в должности штатного начальника отдела РТУ ВМФ по разработке вычислительной техники, полностью позабыл и растерял свои командирские качества. В управлении офицеры отделов не вставали при появлении их начальника, и не козыряли им отдачей чести. Вообще, офицеры управления носили форму как специфическую служебную одежду и не замечали разницы между званиями старших офицеров. Все старались держаться как равный с равными.

Практически внутренняя организация отделов ничем не отличалась от гражданских организаций министерств и главков. Начальника отдела уважали и исполняли его указания не столько по старшинству звания, сколько по занимаемой им должности. Кроме меня, нештатного капитана 3-го ранга, все офицеры управления носили на плечах погоны капитанов второго и первого ранга. Естественно, что никаких строевых отходов и подходов, которые существовали в боевых частях ВМФ, не было и в помине. Называли друг друга только по имени и отчеству, никогда не упоминая воинского звания. Утром никто не проводил общих построений и не встречал начальника Управления, кроме дежурного офицера. При появлении начальников отделов в рабочих помещениях своих подчиненных, никто не вставал с рабочих мест. Сами начальники отделов подходили индивидуально к каждому офицеру и здоровались с ними за руку. Да и рабочие столы начальников отделов обязательно располагались в тех же служебных помещениях, где трудились их подчиненные. Вместо воинской субординации, осуществлялся взаимный прямой контакт между начальником и подчиненными в течение всего служебного дня.

В этой ситуации бездельничать, дремать или тупо смотреть в стенку было неприлично, ни начальнику, ни его подчиненным. Наш начальник Центра в таком ритме прослужил много лет. При своем мягком характере пожилой капитан 1-го ранга Прохоров уже не мог сломать себя и перестроиться на жесткую требовательность настоящего строевого морского командира. Вновь назначенные офицеры инстинктивно чувствовали эту слабость уже во время первого собеседования и в последующем не испытывали перед ним никакого трепета, как главного носителя воинского единоначалия или поборника уставных отношений воинской дисциплины. В нем не было агрессии власти, и он даже не пытался её изображать внешней требовательностью и суровостью вида. По отношению к личной власти люди по внутреннему складу души делятся на две категории, независимо от того, являются ли они военными или гражданскими личностями. Для многих гражданских и военных людей личная власть над другими людьми является вождельным желанием, выше хлеба насущного и даже выше духовных потребностей.

Их страсть к власти питается неистребимым желанием ограничивать свободу других людей или подчинять их действия и поступки своей воле. Если такие люди не командуют другими людьми, то они чувствуют свою личную ущербность. Но есть и другая категория людей, которые безразличны к власти над другими людьми. Конечно, если в их душах есть творческое начало, достаточное образование, уровень знаний и опыт жизни, то они обязательно становятся руководителями того или иного ранга и уровня. Но власть над другими людьми для них не самоцель, а способ проявления своих творческих возможностей и способностей. К такой

категории я отношу свою личность. Меня всегда тяготила воспитательная работа с подчиненным личным составом. Она не приносила мне никакой радости, а была неприятной обузой, как досадное и неизбежное приложение к занимаемой должности. Власть над людьми, а особенно командирская ответственность за их дисциплину и специальную подготовку не приносила мне никакой радости, а только утомляла мою душу. К такой же категории людей, безразличных к власти над другими людьми, относился и начальник центра Прохоров.

А вот главный инженер Вдовиченко по роду предыдущей командирской службы и по складу личного характера был замешен из другого теста. Его хлебом не корми, а дай покомандовать другими людьми. Вполне возможно, что и золотым медалистом он стал, потому что имел в душе неодолимое желание получить в подчинение, как можно больше людей и адмиральское звание. Цель-то не преступна, а вполне благородна. При достаточной усидчивости и таланте к восприятию новых знаний эта цель и могла послужить его служебному рвению во время обучения в училище и Военно-морской академии. Вот это тайное желание власти, несомненное умение организовать строевую службу по уставам, а не на отношениях товарищества и превратили Вдовиченко в реального теневого командира центра, при котором седобородый красавец Прохоров лишь играл роль свадебного генерала. Да и по всему было видно, что среди всеобщего подбострастного обожания вновь прибывших офицеров, только что назначенных для службы в Подмоскowie, в заботах о становлении и организации части Вдовиченко чувствовал себя как рыба в воде. Ничего не скажешь – это была его стихия.

Я понял, что для разъяснения причин моего назначения заместителем Славы Первака, что было для меня неожиданной неприятностью, надо обращаться не к Прохорову, а к Вдовиченко. Я и обратился к нему, попросив объяснить, чем продиктовано назначение Славы Первака начальником отдела на штатную должность капитана 2-го ранга, а меня, который дважды выслужил без замечаний по службе все положенные сроки для получения звания капитана 2-го ранга, поставили на штат заместителя Первака с воинским званием капитан 3-го ранга? Вдовиченко откровенно объяснил мне, что если бы я добровольно отказался быть нештатным офицером РТУ ВМФ, ушел от Черненко и выразил желание постоянно служить в Аналитическом центре, скрупулезно занимаясь оргштатными вопросами и организацией уставной службы, то он бы ещё посмотрел, кого назначать начальником отдела, а кого заместителем. Мне дословно было сказано: «Ты же, Николай Никифорович, не обратился ни ко мне, ни к командиру центра с ходатайством о твоём отзыве из РТУ ВМФ и переводе на постоянную службу в Аналитический центр. Хотя прекрасно понимал, что здесь, на объекте, тоже непочатый край работы по становлению штатной организации и множеству других вопросов по взаимодействию с хозяйственными службами и руководством гарнизона городка Дуброво, по обеспечению нашей части необходимыми энергоресурсами, финансами, секретным деломпроизводством, медицинским и вещевым довольствием. Само собой это не делается. Это делаю я, опираясь, на Первака как моего заместителя. Почему же я должен был назначить тебя на должность начальника отдела, а его твоим заместителем, если все вопросы взаимодействия с командованием гарнизона решал и решает Первак под моим руководством, а ты даже не в курсе наших местных задач, да и никого не знаешь в руководстве гарнизона».

Доводы Вдовиченко были абсолютно правильными и неоспоримыми. За год времени, с 1980 по 1981 год, Первак Слава непрерывно взаимодействовал с местным гарнизонным руководством и с обеспечивающими службами гарнизона. Они его уже представляли, если не командиром, то заместителем командира центра. Да и все офицеры, прибывшие к новому месту службы, в выходные дни или в неслужебное время, с проходной закрытого гарнизона, направлялись на квартиру Перваку. А уж он потом определял их в гостиницу или устраивал на временный ночлег прямо в служебных помещениях центра. Да, по субботам и воскресеньям или другие праздничные дни, Слава Первак и был фактическим начальником центра.

На него замыкался дежурный по части, докладывая ему о происшествиях за ночь, а в случае возникновения «нештатных» ситуаций или происшествий, он исполнял командные функции начальника центра, и принимал при необходимости неотложные меры, прежде чем реальные руководители, придут утром в понедельник из своих московских квартир в закрытый гарнизон Дуброво. Так что назначение Славы Первака начальником отдела, а меня – его заместителем было абсолютно законно, справедливо и оправдано суровой необходимостью гарнизонной службы и организацией части как отдельной структуры воинского гарнизона. Выслушав доводы Вдовиченко, я полностью с ними согласился и в свою очередь поблагодарил его, что меня тоже не забыли и назначили на командную должность заместителя начальника оперативного отдела. Я подозреваю, что на этом назначении настояли Прохоров и Черненко, а Вдовиченко и Первак были против. Но оставляю эти подозрения при себе. В чужую душу не заглянешь, а то, что Вдовиченко, Первак и Двораковский стали недолюбливать меня, когда я стал единственным нештатным представителем Аналитического центра при РТУ ВМФ, то это мне было видно и невооруженным взглядом.

Чуть подумав, я полностью успокоился и смирился с обстоятельствами. Не факт, что мое бегство из РТУ ВМФ в Аналитический центр в начале 1981 года или раньше позволило бы мне занять должность начальника отдела. Я не обладал хитростью и лукавством Славы Первака, не любил дисциплину ещё с первого года службы рядовым матросом, т. е. с ноября 1962 года, и не любил быть командиром только ради власти над людьми. Вспоминаю такой случай из жизни. В 1964 году я успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен курсантом на первый курс ВВМУРЭ им А.С. Попова в Петродворце-Петергофе. К этому времени я был старшим матросом и два года отслужил срочную флотскую службу. Экзамены я сдал на отлично, и командир роты капитан 3-го ранга Веккер Яков Наумович вместе со старшиной роты, тоже первокурсником из солдат Володей Мельниченко предложили мне стать замкомвзвода, то есть старшим над однокурсниками, с которыми я рассчитывал пять лет вместе учиться.

Я уже автоматически из старшего матроса превратился в старшего курсанта, имел опыт двухлетней службы и решил, что справлюсь с обязанностями «постоянного» командира над девятнадцатью своими однокурсниками. Через две недели моя душа смертельно затосковала от обязанностей замкомвзвода до такой степени, что я возненавидел самого себя. С этими обязанностями я потерял главное – духовную свободу. Мне так захотелось стать как все, думать не о подъемах и построениях, а о чем взбредет в голову, что я подошел к командиру роты Веккеру и попросил освободить меня от обязанностей замкомвзвода и сделать рядовым курсантом. Так все пять лет я и проучился рядовым курсантом под командой нового замкомвзвода Николая Ларионова и того же старшины роты Владимира Мельниченко. Ларионов и Мельниченко духовно были сделаны из другого «теста». Им очень нравилось командовать своими однокурсниками. Это давало им некоторые дивиденды при сдаче экзаменов, но главное – это им нравилось по складу характера. Они находили в этом не тяготу и ношу службы, а удовольствие, от хотя и маленькой, но все же власти над своими сокурсниками. Вот эта давняя курсантская история и подсказала мне, что я правильно сделал, что не перешел в Аналитический центр для командной и организационной работы, а остался нештатным офицером РТУ ВМФ.

С таким характером неприятия дисциплины и отвращением от выполнения командирских уставных обязанностей, а главное – по причине отсутствия хитрости и лукавности, я бы все равно остался заместителем Славы Первака, а то ещё и рядовым оператором. Говорят, что Бог не делает, все – к лучшему. Так впоследствии оказалось и с моим назначением на должность заместителя Славы Первака. Однако эта обида с назначением оказалась не последней. В октябре 1981 года штатные должности Центра заполнились процентов на 90, и реальная численность офицеров и мичманов составила примерно сто человек. Два строящихся жилых дома, по которым я готовил ежемесячные доклады Главкому ВМФ, должны быть по план-графику сданы в феврале 1982 года. Но они могли вместить лишь 80 семей военнослужащих центра.

Заранее получалось так, что 20 семей надолго оставались бесквартирными, даже после сдачи в эксплуатацию и заселения этих двух домов.

В части начался страшный ажиотаж вокруг жилья и драчка за ещё не сданные в эксплуатацию квартиры. Была создана жилищная комиссия под председательством Прохорова. Членами комиссии были Вдовиченко, Первак, Двораковский и два-три офицера из вновь прибывших. Так как эта троица действовала в полном согласии, то фактическим председателем комиссии был Вдовиченко. Он и решал, кому выделить трехкомнатные квартиры, кому все остальные, а кого и вовсе оставить без жилья на неопределенный срок. В конце октября 1981 года Валера Двораковский как-то явился в РТУ ВМФ и, беседуя со мной, как бы между делом заявил, что мои дочери школьного возраста относятся к «классу» однополых и из-за недостатка трехкомнатных квартир мне на семью из четырех человек жилищная комиссия может выделить не трехкомнатную, а двухкомнатную квартиру. От такого сообщения я буквально оцепенел. Я здесь сижу по ночам, готовлю доклады Главнокомандующему ВМФ, чтобы эти несчастных два дома были сданы в эксплуатацию хотя бы в апреле-мае 1982 года, а жилищная комиссия части готова загнать мою семью из четырех человек в двухкомнатную квартиру, из которой мне уже никогда не удастся выбраться. Где же справедливость?

Ведь командование знает, что я прилагаю максимум усилий для завершения строительства и сдачи в эксплуатацию этих домов, а трехкомнатная квартира положена мне не «по благу», а по закону? На это Двораковский вполне резонно заметил, что жилищной комиссии «глубоко плевать» на ту работу, которую я выполняю в РТУ ВМФ. Мол, на объекте ты появляешься только по четвергам и даже не вникаешь в местные проблемы. А в части уже полно офицеров, у которых по двое и по трое разнополых детей, и они являются формальными первоочередниками на трехкомнатные квартиры. И опять к логике Двораковского было не подкопать! Я понимал, что это был пробный камень и бросил его в меня не Двораковский, а Вдовиченко. Во-первых, он хотел проверить мою реакцию, а во-вторых, буквально принуждал, чтобы я в очередной приезд в Аналитический центр упал перед ним «на колени» и попросил выделить мне трехкомнатную квартиру. Он мог и согласиться, но в замен обязательно предложил бы сделать личную услугу самому Вдовиченко или исполнить какую-нибудь подлость в его карьерных интересах.

Буквально на второй день приехал мой знакомый и мой первый начальник РТС на РПК СН «К-423», гидроакустик по специальности и выпускник 1968 года, Шадрин Валерий Степанович. Парадокс судьбы в том, что в 1971 году старший лейтенант Шадрин прикинулся неспособным сдать зачетный лист на допуск к исполнению обязанностей начальника РТС. Его списали на берег, и он 10 лет где-то служил в береговых постах ВМФ, а я вместо него был назначен начальником РТС, и до 1980 года оставался офицером плавсостава РПК СН «К-423». Неведомыми путями, тоже в звании капитана 3-го ранга, его в 1981 году назначили в штат Аналитического центра. На этот раз он не был моим начальником, но в его семье было двое разнополых детей, и он был первым претендентом на трехкомнатную квартиру. Для вновь прибывших офицеров ничего не значил мой одиннадцатилетний стаж офицера плавсостава атомной подводной субмарины. Шадрин с порога заявил мне то же самое, что и Двораковский. Мол, члены жилищной комиссии, ввиду дефицита трехкомнатных квартир и однополости моих детей, склоняются выделить мне двухкомнатную квартиру.

Сам же Шадрин уже был уведомлен, что ему выделяется трехкомнатная квартира, так как его дети разнополые. Тут я окончательно понял, что сидение на двух стульях и мои успехи в РТУ ВМФ, выходят боком для моей семьи и моего служебного положения в Аналитическом центре. Если я сейчас брошу все, откажусь работать в РТУ ВМФ и вернусь к исполнению обязанностей заместителя Первака на объекте, то там на мне отыграются по полной схеме Первак и Вдовиченко. Они умеют это делать. Они просто меня «затуркают» неисполнимыми приказами и превратят в мальчика для «избиения». В таком угнетенном состоянии я пребывал

накануне ноябрьских праздников 1981 года. Жене я ничего не говорил, чтобы её не расстраивать раньше времени, но настроение было скверное. Как раз во время таких тяжелых раздумий мне позвонил один мой старый друг и сослуживец по РПК СН «К-423» Луцук Андрей Александрович и пригласил меня отметить праздничные дни Великой революции за хлебосольным столом в его московской квартире.

Мы дружили семьями ещё со дней флотской юности, и как только я обнаружил в 1980 году Андрея в Москве, так мы стали семьями эпизодически встречаться по праздничным поводам или даже без повода. Я, конечно же, дал согласие, и где-то то ли 6-го, то ли 7 ноября 1981 года мы с женой пришли на квартиру Андрея отмечать праздник обильной выпивкой и закуской. Об Андрее, как и об этой встрече, в корне и стремительно изменившей мою судьбу в лучшую сторону, надо рассказать особо.

Глава III

«Однополчанин» по флотской службе Андрей Александрович Луцук

1. Знакомство и совместная служба

Познакомился я с Андреем Александровичем в октябре 1969 года, когда после получения лейтенантских погон и выпуска из училища, отгуляв в родительском доме тамбовской деревни первый офицерский отпуск, прибыл в город Палдиски Эстонской ССР. Там уже год проходил предварительную теоретическую подготовку будущий первый экипаж ещё не построенной атомной лодки «К-423» во главе с командиром капитаном 2-го ранга Иваном Ивановичем Кочетовским. Андрей Луцук окончил ленинградское высшее военно-морское училище в 1968 году. И когда я прибыл в экипаж, он в должности командира ракетной группы БЧ-II уже год изучал устройство лодки и пусковые ракетные установки для запуска из-под воды баллистических ракет с ядерными боеголовками. Кстати говоря, Валера Шадрин там же был начальником РТС. И тоже был выпускником 1968 года. В те времена по должности Валера Шадрин был на ступень выше меня и выше Андрея Луцука.

Я был назначен командиром электронно-вычислительной группы Боевой Информационно-управляющей системы, сокращенно БИУС «МВУ-100». Эта система находилась в заведовании радиотехнической службы. Естественно, что первым моим флотским непосредственным начальником и стал начальник РТС Валера Шадрин. Мы с женой быстро подружились семьями и с Луцуками и с Шадринными. Год разницы в окончании училища не имел никакого значения. В какой-то мере мы были одноклассниками и имели общие интересы. Кстати, Шадрин с самого начала относился ко мне по-дружески и никогда не подчеркивал свое начальственное положение. В свободное от службы время все офицеры не чурались дружеских застолий и хорошей выпивки. По-моему, в те времена на нашем экипаже не было офицеров, которые не употребляли в меру спиртное. Да это и не считалось зазорным.

Я думаю, непьющий молодой офицер выглядел бы «белой вороной» и подвергался постоянным насмешкам. Такое было время не только на флоте, но и по всей необъятной советской стране. Когда в конце 1969 года или начале 1970 года экипаж перевели на базу атомных стратегических подводных сил в гарнизон Гаджиево, на практическую отработку в качестве дублеров боевых экипажей, непосредственно на выходах в море, то наши семьи разъехались по родительским домам. Никто никаких гостиниц для нас не выделял. Все мы жили в казармах, вместе с матросами и мичманами. И опять, по какому-то странному стечению обстоятельств, меня и Андрея Луцука, откомандировали в экипаж капитана 1-го ранга Задорина, который готовился к длительному походу для несения боевой службы в районе Бермудского треугольника. Сначала был двухнедельный контрольный выход, а затем боевая служба чуть больше двух месяцев. И конечно, мы постоянно общались с Андреем Луцуком, потому что были с одного экипажа, и испытывали взаимную дружескую симпатию. Я восхищался его практической житейской хваткой, чего мне никогда не доставало. Понимаете, Андрей был из военных воспитанников-нахимовцев, которые в нашем училище ВВМУРЭ им. Попова, сами себя называли «питонами».

Андрей разительно отличался от них своей самостоятельностью, какой-то мужской покладистостью и житейской опытностью. Женился он, видимо, ещё курсантом на Лиле Луцук, и было видно, что они крепко любили друг друга. Лиля имела высшее техническое образование. Она производила впечатление практичной и деловой женщины и в этом плане разительно отличалась от многих молодых офицерских жен нашего экипажа, которые были настолько

непрактичны, что даже не умели приготовить первое и второе, чтобы сытно накормить своих мужей. Лиля Луцук была коренной ленинградкой, а там с жильем всегда были проблемы. Особенно меня поразило, что семья Луцук, ещё когда он был курсантом училища, с помощью родителей приобрела кооперативную квартиру. Это была огромная редкость, чтобы молодая офицерская семья имела собственное жилье, ещё до того как началась офицерская служба.

Меня же Андрей Луцук ценил за открытый характер и особенно восхищался тем, что я закончил училище с золотой медалью. Часто за дружеской выпивкой Андрей повторял, что если бы ему так легко давалась учеба, то он бы сделал замечательную карьеру и обязательно стал адмиралом. Меня никогда особенно не волновала карьера, я почему-то не любил ответственности за других людей, и даже не мечтал о должности командира атомохода или адмиральской карьере командира дивизии или флотилии. Максимум о чем я мечтал, – это закончить службу в звании капитана 1-го ранга. Как ни странно, это мне удалось даже без окончания Военно-Морской академии.

Когда мы пришли из похода, то вернулись в свой экипаж в город Северодвинск. Там мы принимали от промышленности только что построенный атомный подводный ракетоносец «К-423». И опять в гостинице наши семьи жили рядом, и мы тесно общались на общей кухне, а иногда и посещали ресторан «Белые ночи», который сокращенно называли «РБН».

Как-то я стал расспрашивать Андрея: каким образом он стал воспитанником нахимовского училища? Мне не верилось, что у такого практичного и основательного человека, как Андрей, с детства была тяга к морской романтике. Он и не производил впечатления человека, который посвятил свою жизнь службе морского офицера, ради романтической тяги к трудностям и лишениям флотской службы. Спокойный по складу характера, он и любил спокойную размеренную жизнь. Вот только такой спокойной и размеренной жизни у него так и не получилось. Как великую тайну (а это на самом деле была великая семейная тайна), и я даже прошу прощения у его детей и внуков, что раскрываю её, Андрей поведал мне, что действующий в то время первый заместитель Главнокомандующего ВМФ адмирал флота Смирнов Николай Иванович, служил когда-то под началом отца Андрея на Черноморском флоте. Отец попросил Смирнова взять шефство над его сыном Андреем, и по человеческой порядочности Смирнов до конца своих дней заботился о судьбе Андрея. Многие скажут: вот он, советский протекционизм и коррупция, и очень ошибутся.

Протекционизм – это когда безграмотный и не имеющий опыта жизни или службы человек сразу становится высокопоставленным начальником. Ничего похожего в судьбе Андрея не было. По протекции Смирнова Андрея зачислили воспитанником Нахимовского училища, и он прошел тяжелую для подростка казарменную жизнь ограниченной свободы, с принудительным исполнением распорядка дня и строевыми занятиями в сочетании с учебой в обычной десятилетке. По окончании Нахимовского училища воспитанник получает право без вступительных экзаменов поступать в высшие военно-морские училища. Уже по собственному выбору Андрей поступил в ленинградское высшее Военно-морское училище и, проучившись пять лет в жестких условиях казарменной жизни, получил военное образование флотского офицера, погоны лейтенанта и специальность ракетчика. Андрей не скрывал, что учеба давалась ему нелегко, но тем не менее не Смирнов, а он сам сдавал все экзамены и зачеты и целеустремленно двигался к выбранной цели.

Если бы я сам пять лет не был курсантом военного училища, то мог бы подумать, что жить на всем готовом, легко и просто. Это не так. Военное училище в плане личной свободы – это добровольное тюремное заточение. Не каждый выдержит жизнь в рамках твердой военной дисциплины от подъема до отбоя: бегать на зарядки, ходить на вечерние прогулки, сидеть на лекциях и длинных самоподготовках, нести наряды и службы, всегда ходить строем и выходить в город только по увольнительной записке. Иногда это бывает невыносимо тяжело. Лично я где-то на третьем курсе пережил такой глубокий кризис, что меня перестали радовать мои

отличные оценки, мне хотелось все бросить и бежать куда глаза глядят, лишь бы не вставать по утрам по крику дневального «Подъем!», не бежать на зарядку, не заправлять по линейке постель и тумбочку и целый день до команды «Отбой» не ходить строем и не нести опостылевшие наряды. Мне показалось, что я сам себя, по собственному выбору, приговорил к пожизненной каторге. Просто поражаюсь, как я все это выдержал.

Андрею же было ещё хуже, потому что учился он трудно, и ему приходилось напрягать все силы, чтобы успешно сдавать каждую зимнюю и летнюю сессию по 5–6 экзаменов и зачетов. В наше время обязательная срочная служба ограничена одним годом. Те, кто отслужил, знают, как тяжело душа привыкает к ограничению свободы, как иногда хочется полежать в теплой постели после окрика «подъем», ещё бы минут пять-десять. Во время военной службы, не столько страх наказания за нарушение распорядка, сколько сама душа военного человека, учится командовать собственным телом и исполнять требования воинской дисциплины как собственные желания. А это – ой, как тяжело! Курсант военного училища живет в таком ритме не один год, а целых пять лет.

При этом уровень технического образования в высших военных училищах полностью соответствовал уровню образовательных программ лучших гражданских вузов и даже уровню МГУ или МФТИ. Например, отчисленные по негодности к военной службе в результате неожиданной болезни курсанты третьего или четвертого курса моего «родного» училища, с большой охотой принимались и в МГУ и в МФТИ им. Баумана, на тот же курс, с которого они были уволены по негодности к военной службе. На третьем курсе я и сам чуть ли не списался по болезни. И болезнь подыскал подходящую, но остановило то, что я уже к этому времени женился. На мне лежала ответственность не только за себя лично, но и за семью. Это меня и остановило. Сломав непередаваемую неприязнь к службе, я выздоровел, и продолжил учебу в военном училище. Никакая протекция не поможет человеку перенести пять лет строгой военной дисциплины, если он не настроит свою душу на службу Родине и не утвердится в мысли, что в этом и заключается цель его жизни.

А теперь вы, современная молодежь, спросите себя: многие ли из вас желают служить на атомной подводной лодке, находиться по два-три месяца в непосредственной близости, на расстоянии 30–40 метров, от работающего атомного реактора? По два-три месяца не видеть белого света, дышать искусственным кислородом, пить обессоленную дистиллированную воду, нести круглосуточные вахты без выходных и праздников, спать подряд не более 3–4 часов, вскакивать с постели при ежедневных боевых тревогах и подвергать свою жизнь смертельной опасности от непредсказуемых аварийных ситуаций, которые неизбежно возникают во время длительного или короткого подводного плавания? Я думаю, что не многие молодые люди нашей современности готовы добровольно отказаться от радостей жизни, радости ежедневно видеть небо, море и землю, своих друзей и близких, чтобы глотнуть романтики офицера-подводника. Андрей все это выдержал, не потому что его кто-то приневолил «сверху», а потому что сам захотел такой трудной, но все-таки, в те советские времена, весьма почетной службы офицера-подводника.

Я ведь тоже не был романтиком моря. Единственное, что могу о себе сказать уверенно, это то, что я никогда не испытывал страха ни перед морскими просторами, ни перед океанскими глубинами. Службу на надводных кораблях я бы никогда не принял, потому что плохо переношу качку. Я осознавал трудности службы офицера-подводника, однако, как золотой медалист, буквально потребовал, чтобы меня назначили на атомные лодки Северного флота. Я отверг все другие назначения, во-первых, хотел получать приличную зарплату и содержать семью, во-вторых, чтобы не быть мальчишкой на побегушках в военных институтах, и жить много-много лет

на съемных квартирах в Москве или Ленинграде, считая копейки, чтобы дотянуть до следующей полочки. Выбирая атомные лодки Северного флота, я поступил как прагматик и

только. Андрей тоже не был романтиком моря, но в отличие от меня он был настоящим потомственным службистом. Он хотел не только служить, но и делать карьеру. Считаю, что в этом нет ничего плохого, если человек добровольно и успешно проходит все первичные должности, с остервенением учится, ломая свою леность и насилуя свое тело и разум ради того, чтобы на склоне лет стать частью государственной элиты, иметь приличное жилье, пенсию и санаторно-курортное обеспечение. Что в этом плохого?

Да нет ничего в этом плохого! Это осознанный прагматизм и личный выбор. Теперь скажу пару слов о том, как мы с Андреем попали на боевую службу в экипаж Задорина. Я попал, потому что досрочно сдал на самостоятельное управление, как специалист по БИУС МВУ-100. Зачем мне это было нужно, тоже непонятно. Пришел к флагманскому специалисту РТС флотилии и заявил, что готов сдать на самостоятельное управление электронно-вычислительной группой. Меня тут же тщательно опросили по всем специальным вопросам. И я ни на одном не срезался. Вскоре приказом по 19 дивизии меня допустили к самостоятельному управлению по специальности. В экипаже Задорина штатная должность командира группы по моей специальности была свободна. Мне и предложили сходить в первую автономку с чужим экипажем, чтобы заместить штатную должность. Отказываться было постыдно. Но мне и не надо было этого. Наоборот. Меня раздирала гордость, что я пришел в наш экипаж на год позже остальных офицеров, включая и Андрея Луцука, а вот первым сдал на самостоятельное управление и первым иду на боевую службу точно на таком же «железе», которое ещё достраивалось в Северодвинске для нашего экипажа силами промышленности.

Я не думал о будущей карьере. Я радовался, что приобрету опыт боевой эксплуатации и боевого применения БИУС МВУ-100, а заодно и заработаю за три месяца с морскими надбавками целую кучу денег. Совсем по другим мотивам оказался прикомандированным к экипажу Задорина Андрей Луцук. В экипаже Задорина был штатный командир группы БЧ-II. Но Андрей очень желал поскорее приобрести боевой опыт и добровольно, по личному желанию, подтвержденному телефонным звонком первого замглавкома ВМФ адмирала флота Смирнова был назначен «дублером» опытного офицера, чтобы по приходу досрочно сдать на самостоятельное управление группой. Абсолютный служебный прагматизм, но только с карьерными планами на будущее. И опять, что-то отыскать плохое в таком поступке невозможно. Он же осмысленно пошел на непредсказуемый жизненный риск и тяготы боевой службы, чтобы поскорее перейти на следующую должностную ступень командира БЧ-II атомной подводной лодки и получить в заведование весь ракетный комплекс с 16 баллистическими ракетами с ядерными боеголовками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.